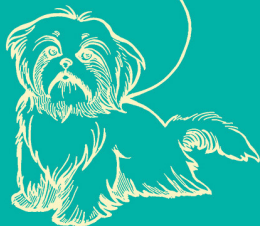


«Честно, проникновенно и по-настоящему смешно»

– НИЛ ГЕЙМАН

ВСЕ  
УМЕРЛИ  
И Я  
ЗАВЕЛА  
СОБАКУ



Эмили Дин

**Дин Эмили**  
**Все умерли, и я завела собаку**  
**Серия «Смелая. Её**  
**невероятная история»**

*Текст книги предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=43529935](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43529935)*  
*Все умерли, и я завела собаку: Эксмо; Москва; 2020*  
*ISBN 978-5-04-108102-7*

### **Аннотация**

Эмили и Рэйчел с самого детства росли в безумной семье: горы неоплаченных счетов, богемные вечеринки их родителей, знакомые из мира шоу-бизнеса. В таком жизненном хаосе никогда не было места для собаки, которую так хотела Эмили. И даже когда сестры вырастают, собака все так же остается недостижимой мечтой. Жизнь подводит Эмили к тяжелейшему испытанию: у Рэйчел диагностируют рак. За три года умирает вся ее семья: не только сестра, но и оба родителя.

Это забавная и одновременно душераздирающая история о том, что каждый может преодолеть самое худшее, что случилось с тобой в жизни, что подходящее время для того, чтобы начать жить, – это всегда «сегодня». И что всегда можно начать жизнь заново вместе с очаровательным ши-тцу по кличке Рэймонд.

# Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	27
Глава третья	45
Глава четвертая	53
Глава пятая	65
Глава шестая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

# Эмили Дин

## Все умерли, и я завела собаку

*Посвящается моей сестре Рэйчел – с благодарностью за все*

*Было бы несправедливо утаить от вас, сколь предан я был вашей матери. Я обязан ей своей жизнью. Она была восхитительно умна, прекрасна и верна до конца, и образ ее навеки сохранится в моей памяти. Вам, дочерям ее, я обещаю вечную и верную дружбу.*

*Э. Б. Уайт «Паутина Шарлотты»*

**Emily Dean**

**Everyone Died, So I Got a Dog**

\* \* \*

First published in Great Britain in 2019 by Hodder & Stoughton An Hachette UK company. All rights reserved.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также

использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Emily Dean 2019

Photo copyright © Olivia Beasley 2018

© Новикова Т. О., пер. на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

# Пролог

Это история о том, как я потеряла всю семью и приобрела собаку. Но вы, наверное, уже об этом догадались. Такова особенность названий-спойлеров – вспомните хотя бы фильм «Как трусливый Роберт Форд убил Джесси Джеймса». Но если хочешь рассказать правдивую историю, без прикрас, то, полагаю, делать это нужно с самого начала.

Я не знала, что путь преодоления утраты приведет меня к собакам. Собаки всегда были для меня символом жизни, о которой я мечтала, но которой у меня никогда не было. Я даже не догадывалась, что дворняжка Хохотушка и ши-тцу, больше всего похожая на героиню фильма «Чубакка, молодые годы», изменят все.

В жизни случается многое, что приходится просто принимать. Трудно ждать чего-то хорошего от фразы, которая начинается со слов: «Надеюсь, ты не поймешь меня превратно...» Однажды настанет день, когда тех, кого ты любишь, больше никогда не будет рядом. И ты умрешь, так и не узнав, как произносится слово «fugate». Но, может быть, никогда не поздно попытаться взять себя в руки.

Когда ты просыпаешься, потеряв все, с ощущением, что у тебя все есть. Что, если можно начать жизнь сначала?

# Часть первая

## Трикл

### Глава первая

У нас никогда не было собаки. Я поняла это благодаря Коржику.

Прозрение настало, когда я смотрела, как он пел песенку «Одна из этих вещей» в суперпопулярной программе «Улица Сезам». Что-то в его песенке меня тронуло. Он сделал ее только своей. Круглые глаза его бешено вращались, когда он смотрел на четыре тарелки с печеньем. И тогда он спел слова, которые я помнила все свое детство. «Одна из этих вещей не похожа на другие, она просто не такая! Можешь угадать, какая не похожа на другие? Пока я не допел свою песенку?»

Коржику можно было и не допевать. Я уже знала, какая вещь не похожа на другие. Это была моя семья. Потому что во всех других семьях были собаки. А у нас собаки никогда не было.

Люди с собаками были квинтэссенцией «домашности», они были правильными и функциональными. В нашей же семье жизнь была любопытной и непредсказуемой. Хозяева сеттеров, спаниелей и терьеров жили в другом мире – и

жизнь их шла по-другому. Я мечтала о собаке, мечтала отчаянно и страстно. Но еще больше я мечтала, чтобы наша семья стала семьей с собакой.

В семьях с собаками детям в пять часов наливали нечто такое, что называлось «чаем». Когда мы с моей старшей сестрой Рэйчел ходили к подружкам, их матери готовили рыбные палочки или хрустящие блинчики с ярко-оранжевой тыквой. Если бы мы были семьей с собакой, в гостиной у нас стоял бы светлый диван с цветочной обивкой и огромная юкка, а мы смотрели «Синего Питера»<sup>1</sup>. Папина фиолетовая машина, «Форд Сьерра» появлялась бы возле дома около половины седьмого, и колли или лабрадор бросался к двери, чтобы встретить его. «Привет, дружок, – говорил бы папа, ероша пушистую шерсть. – Хороший мальчик!» Собака лизала бы папу в лицо, а потом мы всей семьей собирались бы, чтобы посмотреть программу Дэвида Аттенборо «Жизнь на Земле».

У семей с собаками хватало денег на оплату телефона, страховые полисы, чистящие средства и продукты для морозильника. Мы же существовали на овердрафты и кредиты, которые уходили на черные такси, первые издания и паштеты из роскошного магазина Fortnum & Mason. Хозяева собак учили детей ездить на велосипедах. Наши родители давали нам уроки разбора поэзии, открывания бутылок с вином

---

<sup>1</sup> «Синий Питер» (англ. *Blue Peter*) – детская британская телепрограмма. Существует с 1958 года.

и уговоров судебных приставов. А когда дети хозяев собак спрашивали: «Почему бабушка сердится на меня?», их матери не отвечали: «Ты знаешь почему! Потому что она СИДИТ НА АМФЕТАМИНЕ, дорогая!»

Когда случалось невероятное и семьи с собаками получали штрафы за парковку, они оплачивали их до того, как дело передавали в суд. Перед школой они ели рисовые хлопья, а не пармскую ветчину с дыней, уцелевшую после новой вечеринки. И они не затыкали винные бутылки повестками со страшными словами «Последнее предупреждение». Они не забывали сообщить, что сегодня в их спальне *Sex Pistols* будут снимать новый клип. В семьях с собаками детей за шалости наказывали, отправляя в свою комнату или лишая карманных денег. Их не заставляли переписывать от руки цитаты из Шекспира. «Но главное: будь верен сам себе...» Или более мрачное: «Трус умирает много раз до смерти»... И матери из семей с собаками не брали детей в клубы бурлеска, где трансвеститы распевают «*Let's Go Fly A Kite*»<sup>2</sup>, вместо школьных праздников.

Первые семь лет моей жизни прошли в самых разных домах и школах, и даже на разных континентах – так рассеянный зритель переключает каналы телевизора, даже не глядя на экран. То мы жили в викторианском особняке в Баттерси, а потом в уютном глицинией коттедже в Саррее, откуда неожиданно отправлялись в деревянное бунгало в Новой Зе-

---

<sup>2</sup> Песня из диснеевского мюзикла «Мэри Поппинс» 1964 года.

ландии, а потом в современную квартиру на набережной в северном пригороде Сиднея, которую мы сменили на дом в стиле ар-деко с видом на городскую гавань.

В наш первый день в Австралии мы увидели, как перевернулась лодка. «Дорогие, идите сюда! Здесь ТАКОЕ!» – закричала мама. Родители разбудили нас и вытащили на балкон, откуда мы смотрели, как спасатели вытаскивали на пляж все, что осталось от несчастного человека. «Это была акула!» – сообщил нам папа, показывая статьи о наших новых морских соседях в журнале *National Geographic*. Через две недели за традиционным графинчиком вина родители рассказывали друзьям, как «необычно» то, что дочери упорно не хотят купаться в море. «Мы наняли для них олимпийского тренера!» – говорили они, пожимая плечами. Наверное, рассказы об акулах были для них подсознательным способом соединить нас с сутью самого нашего существования. Мы двигались по жизни, как большие белые акулы, маневрируя между дружбами, домами и школами. Открытки «Как жаль, что ты уезжаешь!» сменялись табличками «Добро пожаловать в ваш новый дом!», приколочеными у пуансеттий в пустых съемных домах.

Такая жизнь требовала посольского уровня обаяния, стойкости и умения собраться в считанные минуты. «Кочующие Дины!» – так приветствовали нас в наполненных книгами домах наших литературных друзей, где были отцы в ярких гавайских рубашках и матери, благоухающие древесны-

ми духами в стиле 70-х годов. Бедные женщины старались хоть как-то реанимировать обеды, приготовленные уже два часа назад. Мы приезжали, рассказывая смешные истории о карьере моего отца на Би-би-си, где он был репортером отдела культуры и режиссером документальных фильмов. «Майкл, расскажи всем, как ты брал интервью у Барбры Стрейзанд!», «А Гор Видал<sup>3</sup> правда пытался тебя соблазнить?», «Фильм про герцога Виндзорского вышел классный!» Выслушав все это, мы скрывались, часто преследуемые налоговиками.

Незадолго до моего седьмого дня рождения и сразу после девятого Рэйчел, после восьми домов в трех странах и семи школ, отец, наконец-то позволил нам почувствовать вкус домашней стабильности. Он безнадежно влюбился в волшебный район XIX века в северной части Лондона Холли-Виллидж. Мама тут же записала нас с Рэйч в местную начальную школу, где учились блестящие отпрыски семейств, имевших собак.

Дом украшали покрытые мхом горгульи и башенки, увитые плющом. Наши домовладельцы, как все, кому мы должны были денег, были окутаны зловещей тайной, но я знала, что их зовут «чертовы Уокеры». «Не рисуйте на стенах, девочки! Не забывайте про чертовых Уокеров!», «Они сно-

---

<sup>3</sup> *Юджин Лутер Гор Видал* (1925–2012) – американский писатель, эссеист, кино- и театральный драматург, признанный классик американской литературы второй половины XX века.

ва хотят денег, эти чертовы Уокеры!» Я никогда не видела таинственных чертовых Уокеров. Они представлялись мне некими привидениями в капюшонах. Костяными пальцами они перебирали имущество в доме, а после них у нас на стенах появлялись надписи готическим шрифтом: «Нейлоновое одеяло прожжено сигаретой».

Вот так, под мрачным взглядом Карла Маркса, нашего выдающегося каменного соседа с расположенного неподалеку Хайгейтского кладбища, мы поселились в Холли-Виллидж. Я знакомилась с его альковами и старинными бакелитовыми телефонами, привыкала к запаху сырости и любовалась викторианским шкафом, набитым дижонскими горчицами и деликатесными консервами, вместо банок собачьего корма и бутылок молока, как у моих школьных подружек.

В доме было всего две спальни. «Ну, технически, три, дорогая!» – настаивала мама, имея в виду облюбованную пауками башенку, набитую старинными костюмами, париками, рукописями незаконченных пьес и театральными программками. Здесь было множество альбомов, заполненных газетными вырезками о появлениях нашего отца на телевидении. До перехода в документальное кино он был одним из ведущих художественной программы *BBC Late Night Line Up*. Его партнершей была Джоан Бейквелл. В этой программе мужчины с пышными бакенбардами и женщины в замшевых ботфортах до колена курили и всю ночь спорили с драматургами, философами, художниками и актерами. По-

сле этой работы наша адресная книжка заполнилась контактами знаменитых писателей, таких как Джон Ле Карре<sup>4</sup> и Дорис Лессинг<sup>5</sup>, а отцу досталась неожиданная честь стать первым человеком, появившимся на британском цветном телевидении, – вряд ли его видел кто-нибудь, кроме семи пыльных академиков.

В своей книге «Что люди делают целый день?», посвященной животным в различных профессиях, я почему-то ничего не рассказала о работе своих родителей. В моей книге нашлось место моржу в халатике медсестры. Енот в спортивном костюме возился с колесами автомобиля. Кролик в костюме стюарда приветствовал на борту самолета лисицу. Но у меня не появилось ни одного папы-медведя в гавайской рубашке, с сигаретой в лапе, беседующего с Жермен Грир<sup>6</sup> о гендерной политике. И ни одной мамы-свинки в шелковом кимоно в шезлонге в саду, натирающей маслом для загара, с подписью: «Дорогой, сними трубку! Наверное, мой агент пытается дозвониться!»

«Наверное, мой агент пытается дозвониться!» – эту фразу

---

<sup>4</sup> *Джон ле Карре* (род. 1931) – английский писатель, автор шпионских романов. За полувековую писательскую карьеру опубликовал 22 романа, которые переведены на 36 языков.

<sup>5</sup> *Дорис Мэй Лессинг* (1919–2013) – английская писательница-фантаст, лауреат Нобелевской премии по литературе 2007 года.

<sup>6</sup> *Жермен Грир* (род. 1939) – английская писательница, ученая и телеведущая, которая многими считается одной из наиболее значительных феминисток XX века.

мы с Рэйч в детстве слышали не раз. А потом папа с заговорщическим видом шептал нам: «Но ему ни разу не удалось!»

Актерской карьере матери положило конец рождение Рэйчел, а потом мое. Но со страстью отца к переездам у нее все равно ничего не получилось бы. Все ее актерские успехи были весьма причудливы. «Ваша мама знаменитость?» – спрашивали нас школьные подружки. «Она играла хозяйку турецкого борделя в полицейской драме, – отвечали мы, натываясь на непонимающие взгляды. – Вы не видели? А еще она была трупом в „Приключениях Шерлока Холмса“... То же не видели? А еще она была в рекламе „Тампакса“». Мы видели, как интерес подружек слабеет, – их надежды познакомиться с исполнителем роли Дэнни в «Бриолине» таяли на глазах.

Вскоре после нашего возвращения в Англию мама стала периодически подменять кого-то в театрах Вест-Энда. «Здесь только ноги ломать!» – восклицала она, спускаясь по лестницам дома в Холли-Виллидж в босоножках на высоких шпильках и стильных обтягивающих джинсах. Она обнимала нас, окутывая ароматами бергамота, табака и экзотической взрослости. Это была Вечерняя Мама, мама из прокуренных гримерок, заполненных громогласными актерами, мама, которая весело флиртвала с вахтером на служебном входе и приглашала коллег «пропустить еще стаканчик на посошок!» Дневная Мама была совсем другой. Она требовала, чтобы мы посещали уроки балета, водила нас по худо-

жественным галереям и готовила петуха в вине (*coq au vin*), как любил наш отец. Дневная Мама благоухала душистым мылом и ворковала «сейчас, сейчас», когда мы болели. Две эти мамы никак не сочетались друг с другом и вели между собой вечную борьбу.

Родители хотели, чтобы мы с Рэйч с детства участвовали в отцовской работе, поэтому мы допоздна смотрели споры о моральной допустимости пластической хирургии или интервью с великими писателями, сонно пытаюсь понять смысл папиных вопросов: «Дорис Лессинг, вы всегда так сурово осуждали нашу цивилизацию?» Обычно мы сидели на диване, дружно обнимая медведя Руперта, с которым моя сестра не расставалась. Руперт, как и мы, был закаленным в путешествиях иностранным корреспондентом. Он сопровождал Рэйч в наших метаниях по миру. Он был самой большой ее драгоценностью. Возможно, она так его любила, потому что после всех приключений он всегда спокойно возвращался к идиллической деревенской жизни – в нашей истории я не стала бы делать ставку на подобную развязку.

Рэйч постоянно тянуло к воспоминаниям о нежных, давно ушедших временах. Она собирала кукол в старинных нарядах и скрывала свою обычную красоту за эксцентричностью Старого Света. Даже переходный возраст у нее сопровождался не криками и хлопаньем дверями, а Генделем, которого она каждый вечер играла в ванной на трубе, запершись, чтобы ей не мешали. Мои интересы были более при-

земленными и соответствующими возрасту. Я собирала традиционные символы детского статуса – блокнот с Чубаккой, дневник с мишкой Паддингтоном, игра на запоминание, которая извещала мир о моих проигрышах драматическим басовым тоном. Но Рэйч совершенно не желала быть такой, как другие. Она не разделяла моего желания быть членом семьи с собакой. К нашей семейной жизни она относилась со спокойным снисхождением.

Ко мне она тоже была столь же терпима – несколько раздраженная любовь снисходительного родителя, использующего эвфемизмы типа «энергичный», для оправдания сомнительного поведения. «Эмми, это же глупо», – мягко журила она меня, поймав на горячем, – я старательно выдавливала зубную пасту на аккуратно сложенные брюки приехавшего в гости деда. «Сколько же в тебе уживается!» – вздыхала Рэйч, когда я меньше чем за минуту переходила от смеха к слезам и обратно. Иногда я пыталась соблазнить ее прелестями темной стороны. Рэйч с почтительным ужасом смотрела, как я предлагаю няне «яблочный сок», протягивая ей стакан свежей мочи, над которой еще поднимался пар, и хихикала, когда я подложила подушку-пердушку приехавшему к отцу по делам продюсеру Би-би-си. Но наша близость основывалась на сестринском языке, который знали только мы вдвоем, и на общих секретах нашего нетрадиционного мира.

Мы с Рэйч жили в одной комнате, разделенной пополам. Между нашими кроватями стояла бамбуковая ширма, узкий сектор Газа, разделявший наши территории. Из-за этой ширмы у нас постоянно возникали пограничные конфликты. На стороне Рэйч кукла Уильям Шекспир в нейлоновой шапочке держала в руках свиток. Кукла сидела рядом с миниатюрной Библией и пухлым дневником, который Рэйч вела уже пять лет. На дневнике красовалась надпись: «ЛИЧНОЕ!!!» На моей стороне валялись книжки типа «Самая испорченная девчонка в школе», блестящие тени для век и розовые щетки для волос. А еще у меня был маленький алтарь Генриха VIII. Его подход к жизни – «гони, словно украл» – был мне очень близок. Как придворные Генриха, мы никогда не знали, что ждет нас впереди.

Невозможно было предсказать, что вызовет очередной родительский срыв в нашем доме. В десять лет я сказала маме, что мне «не очень-то нравятся» уроки игры на пианино, которые давала нам дива под странным зонтиком. После этого начался настоящий спектакль с заламыванием рук и стонами: «Ты понимаешь, как глубоко меня ранили эти слова?» Впрочем, когда через несколько лет мама поймала меня, наливающую во фляжку со свадьбы Чарльза и Дианы вино, чтобы выпить в школе, она просто закатила глаза и простона-

ла: «Ты невозможна!» Папа лишь снисходительно улыбнулся, когда мы с Рэйч стянули его журнал «Плейбой» и продемонстрировали его гостям, но пришел в настоящую ярость, обнаружив в портфеле Рэйч роман Джеки Коллинз. Он кричал, что это «героин для разума» и Рэйч «лучше сразу перейти на кокаин». А потом папа подарил ей роман Джеффри Арчера.

Редкие визиты подружек из семей с собаками приводили меня в ужас. Я готовилась к ним, как к военной операции, заставляла маму смахивать паутину с плиты, требовала, чтобы она оделась как «нормальная мама», и убрала свою фотографию в молодости, на которой она в обнаженном виде сидела верхом на стуле в стиле Кристин Килер<sup>7</sup>.

«Твой дом похож на церковь. Ты правда тут живешь?» – поражались подружки, напрашиваясь на экскурсию, когда их родители подвозили меня домой после бассейна. Футболка моя неизменно была влажной от хлорированной воды и пота – меня кидало в пот при мысли, что они увидят наш шумный богемный мир.

«Да! Увидимся завтра в школе. Пока!» – бормотала я, забывая о манерах ради спасения, выбегала на мощенную булыжником улочку и неслась под аркой мимо аккуратного общественного газона, который регулярно подстригали наши

---

<sup>7</sup> *Кристин Килер* (1942–2017) – в прошлом британская модель и девушка по вызову, главное действующее лицо общенационального политического скандала, потрясшего Британию в 1963 году и получившего название «Дело Профьюмо».

соседи. *«Ты не пройдешь, – мысленно вопила я. – У тебя и твоей семьи с собакой нет допуска в наш странный мир».* Они были слишком чистыми и спокойными, чтобы приветствовать их так, как будил нас папа («Руки с яиц, девочки, ноги в носки!»). Им вряд ли понравилось бы, как моя бабушка-алкоголичка агрессивно распевает «Дилайлу» и предлагает нам с Рэйч затянуться ее коктейльными сигаретами. И они точно сбежали бы, услышав, как мама спрашивает у автогонщиков, о которых папа делал документальный фильм: «Скажи-ка, Кит, а какое время года у вас самое ГОРЯЧЕЕ?»

Единственными, кого я могла впустить в наш дом, не испытывая моральной паники, были члены родительского племени – разнообразные актеры, писатели, журналисты и интеллектуальные бонвиваны, сыпавшие анекдотами.

«Открой дверь, дорогая!» – при их появлении кричала мама с кухни. Там она помешивала булькающее рагу, попивала белое вино и дымила сигаретой. Сигаретный пепел нередко становился пикантной приправой ее готовки. Мы с Рэйч встречали гостей. Театральные актеры, которые оправдывали согласие сняться в «Докторе Кто» словами: «Ну да, конечно, это не Гамлет, но там ЧЕРТОВСКИ хорошо платят!» Знаменитые писатели, военные корреспонденты, историки с телевидения и колумнисты из приличных газет. Отец развлекал их рассуждениями о литературе и культуре, а я смотрела, как они одобрительно кивают его красноречивым монологам. Он буквально царил в гостиной, тщательно подбирая

слова и высказывая точные замечания.

Иногда родители просили, чтобы мы с Рэйч устроили «представление». Мы уныло тащились в свою комнату, наспех придумывали, писали и разыгрывали небольшую комическую пьеску. Сестра всегда была режиссером этих представлений, и это были единственные ситуации, в которых свойственная ей тирания проявлялась благотворным образом. «Эмми! Ты несерьезно к этому относишься!» – вечно возмущалась она. Рэйч ставила наши пьески с профессионализмом, который меня обескураживал. Она действовала с радикальностью заключенного, решившего воспользоваться заключением, чтобы накачать стальные мышцы. А я напоминала другого, того, кто после нескольких неудачных попыток побега выкрикивает оскорбления в адрес надсмотрщиков. Ген под названием «смотрите-все-на-меня», который я, несомненно, унаследовала у родителей и который напрочь отсутствовал у Рэйч, в этих представлениях не проявлялся. Я жила в постоянном страхе перед оценкой со стороны других людей.

Иногда друзья семьи появлялись с символом менее кочевой жизни – со столь желанными для меня собаками. Адвокат по авторскому праву приходил с рыжим сеттером Джейком. Иногда появлялся фотограф с далматином, который носил не самое подходящее для детского слуха имя Лавер – «любовник». Дом тут же наполнялся виляющими хвостами – собаки стремились изучить каждую комнату. Как-то раз

пес притащил штаны Мухаммеда Али, принадлежавшие моему отцу (на них красовалась надпись: «Порхаю, как бабочка, жалею, как пчела»). Штаны свисали из слюнявой пасти, но всех это страшно развеселило.

Мы с Рэйч носились по саду с нашими временными компаньонами, наслаждались собственной властью, когда они по команде приносили нам палки, и хихикали, когда они набрасывались на нас со своими собачьими ласками и принимались лизать нам лица.

Когда наши собачьи радости подходили к концу, я была безутешна. Я обнимала собак, прижималась щекой к их теплым шеям, шептала прощальные слова, как любовница, которая никак не может смириться с воскресным одиночеством. Я была уверена, что эти волшебные существа – ключ ко всему, чего не хватало в нашей жизни. Взрослые недоуменно смотрели на эти актерские прощания, обещали, что придут снова, но их обещания были слишком слабым утешением. Я знала, что наш бродячий цирк – не место для собаки.

Но краткие запретные связи стали для меня мечтой, которая вскоре переросла в страстное желание. «ПОЖАААА-АЛУЙСТА! Ну, пожалуйста, можно мне завести собаку?» – каждый день спрашивала я. Отец лишь смеялся, и я понимала: «Ну конечно, флаг тебе в руки». Ему наши пушистые гости нравились так же, как и нам. Он на время расслаблялся и веселился, не сдерживая себя. Но страх перед обязательствами и рутинной всегда перевешивал желание радости, ес-

ли обязательства грозили затянуться на длительный срок.

Мама не хотела заводить собаку, потому что собаки раздражали ее своей живостью и необходимостью гулять с ними. Она отказывалась признавать, что на улице может происходить что-то хорошее до десяти утра. «Собака – это большая ответственность, дорогая, – говорила она. – И кто будет с ней гулять?» И говорила она это так, словно автоматически исключала себя из списка кандидатов.

Как-то раз родители пришли к нам с «замечательными новостями». Мы с Рэйч давно привыкли остерегаться подобных заявлений. В худшем случае нас ожидали дальние перелеты и знакомство с новыми людьми на новом континенте. В лучшем – три часа в каком-нибудь авангардном театре, где кто-то в кожаной куртке и камуфляжных штанах изображал на сцене Кориолана. Так что к тому, что нас ожидало на этот раз, мы оказались совершенно не готовы. Мы с Рэйч сидели в гостиной в пижамах с персонажами Маппет-Шоу.

– Как вы отнесетесь, если с нами поживет собачка?

– Как долго? – спросила я с недоверием – я давно привыкла к тому, что стакан наполовину пуст.

– Целую неделю.

С этим мы сумели справиться.

Папа сказал, что собака очень красивая, добрая, рыжая и зовут ее Расти. Он даже не понял, что нам было все равно, – ведь к нам ехала *собака!*

«Родителями» Расти были друзья семьи, Джоан Бейквелл

и ее муж Джек. Они должны были привезти Расти вместе с корзинкой и вещами (у собаки были свои вещи – как мило!), а потом забрать его в следующее воскресенье.

За день до приезда Расти меня охватила настоящая подготовительная мания. Я вытаскивала из шкафа полотенца, которые могли бы ему понравиться («Дорогая, это итальянское, а это из „Хэрродс“<sup>8</sup>. Положи их назад»), планировала прогулки, на которых могла бы выглядеть как настоящий, уверенный в себе ребенок из семьи с собакой, и вызвалась сбегать к мяснику за лакомствами. («Мы и без того ему должны за стейки, так что нет, Эмми».)

Мы с Рэйч переругались из-за того, на чьей половине комнаты Расти будет спать, но родители заявили нам, что собака не будет жить в нашей спальне. Подобная защита нашей спальни была неожиданной, учитывая, что Рэйч недавно нашла в своей постели чужой бюстгальтер. Мама объяснила, что бюст забыла ее подруга, которая предавалась утехам со своим французским любовником под одеялом Рэйч с изображением кролика Питера. Расти подобные вольности не светили. Он будет спать в гостиной, в своей корзинке. Я подумала, что маму пугает его принадлежность к племени, которое мы страстно ненавидели – к «этим чертовым жаворонкам».

И вот великий день настал. Мы с Рэйч не спали полночи.

---

<sup>8</sup> Самый известный универмаг Лондона. Считается одним из самых больших и модных универмагов мира.

Наутро мы не могли оторваться от окон. Мы ждали приезда Расти со страстью, достойной прекрасных южанок, ожидавших возвращения солдат. Ну как папа может читать газету? Как мама может хохотать и болтать со своей театральной подругой об ужасной постановке «Как вам это понравится»? Ведь вот-вот в нашей жизни появится Расти!

– Он приехал! – закричала Рэйч.

Я расстроилась, что не первой узнала эту новость. А потом я увидела его. Расти семенил по дорожке к дому, с обожанием и почтением поглядывая вверх, на Джека.

Прозвонил звонок, родители открыли дверь. Начался обмен привычными любезностями («Привет, а вот и вы! Вы легко нас нашли?»). Я же стояла, не в силах оторвать глаз от нашего нового компаньона. Расти тоже посматривал на меня с интересом, а потом прыгнул прямо в коридор и позволил мне обдать его волнами безумной, потрясающей любви.

Так началась короткая неделя, которую Расти провел с нами. Это было великое событие моей жизни, после которого она уже никогда не была прежней.

Нам с Рэйч нравилось подниматься рано утром, чтобы насыпать ему еды в миску. Мы хохотали, когда он гонялся за нами по лестнице, и наслаждались ощущением того, что в его глазах мы были хозяйками. «Расти, это очень нехорошо!» – сурово говорили мы, и головы наши кружились от ощущения власти.

Иногда я ложилась рядом с его корзинкой только для того,

чтобы послушать, как он вздыхает, крутится на месте, шурится, а потом засыпает. Я была вне себя от счастья. Ну как кто-то может не желать постоянной близости к этому источнику радости? В нашем доме воцарилась атмосфера чудесной полноты. Расти был якорем. Отец веселел рядом с ним, и даже мама стала ходить вместе с ним в магазины, выбирая для таких прогулок туфли на каблуке пониже.

Рэйч приняла нарушение нашей нормальной жизни, но к Расти относилась не так эмоционально, как я. Ее явно не тревожила та печаль, которая была неизбежна после его отъезда. Она копила позитивные ощущения. Я прямо видела, как она складывает их в папочку с надписью: «Счастливые воспоминания». Она искала то, чему можно радоваться, и не видела в этом болезненных воспоминаний о том, что ушло навсегда. А я, когда в моей жизни случалось что-то радостное – веселая вечеринка, солнечный день или забавное шоу по телевизору, – сразу испытывала легкий ужас. Неизбежный конец короткого счастья перевешивал радость настоящего.

Черное Воскресенье настало слишком быстро. Мама нас утешала, твердила, что Джоан позволит навещать Расти в любое время. Мы же с Рэйч лежали рядом с песиком и гладили его мягкие ушки. Когда приехал Джек, чтобы забрать его в настоящий дом, Расти запрыгал от радости. Острое ощущение предательства кольнуло мое сердце, но быстро прошло. Я признала горькую истину. Мы просто не обладали качествами, необходимыми для того, чтобы держать у себя

таких преданных и честных существ, как Расти. Мы никогда не дали бы им того, что им нужно, а лишь причинили бы боль. Дело не в них, дело в нас. Но та летняя неделя открыла мне мир, из которого не хотелось уходить. Я продолжала надеяться, что родители когда-нибудь увидят Расти моими глазами: он бросил меня, но я поклялась, что в следующий раз все-таки надену на него кольцо!

Наступила осень. Мы стали ждать наше второе Рождество в Холли-Виллидж. Я ощущала в воздухе какое-то заговорщическое предвосхищение. Родители обменивались загадочными взглядами, разговаривали по телефону приглушенными голосами и всячески намекали на «большой сюрприз». Мне не нужно было гадать. Я просто знала.

Даже они не могли бы этого испортить.

## Глава вторая

В семьях с собаками детские сюрпризы часто следуют за словами: «Кто это там за дверью?» В нашей семье такой фокус не прошел бы. В отличие от большинства десяти- и восьмилетних детей, мы постоянно паслись у дверей, особенно если (а) еще не было десяти часов утра, (б) появлялся человек с кейсом и коричневыми конвертами, или (в) приближался человек, который в 60-е годы частенько появлялся на ТВ, но теперь поддался влиянию алкоголя.

Поэтому когда я в рождественский сочельник увидела нашу огненно-рыжую бабушку с помадой цвета фуксии, в украшенных стразами темных очках от Кристиана Диора и щегольской шляпе-трильби, сердце у меня замерло. В руках она держала корзинку-переноску, украшенную атласным бантом.

– СЮРПРИЗ! – воскликнула она с заученным произношением человека, которому следовало бы остановиться после третьего джина с тоником.

Бабушке поручили (что вообще-то было довольно странно) роль временного хранителя нашего рождественского подарка. Я слышала, как кто-то царапается в переноске. Внутри корзинки свернулись два славных комочка, которые украсили бы обложку журнала о домашних любимцах. Только журнал этот был не о щенках. О котятках.

У этого неожиданного поворота событий была любопытная предыстория. Родители и раньше пытались завести кошек. Сиамские и бирманские кошки благородно пожимали плечами, покидая наш дом, когда мы отправлялись в очередное путешествие. А мы могли лишь пробормотать им вслед: «Вы заслуживаете лучшего». По-видимому, этот опыт убедил отца, что кошки, благодаря своей элегантной, но абсолютно самодостаточной природе, не представляют угрозы нашему образу жизни.

Я испытала краткий укол разочарования, как человек, которому предлагают пудинг, а потом приносят тарелку слегка подвявших фруктов. Впрочем, чувство обмана мгновенно прошло, стоило лишь котяткам раскрыть свои крохотные ротки, мяукнуть и ткнуться носами в решетку. Перед нами были два восхитительных шоколадных бирманских котенка – и они были только наши.

Под радостные крики я схватила котенка потемнее. Он явно был гораздо более активным. Рэйч достался маленький и спокойный. Она посмотрела ему в сонные зеленые глазки, погладила шкурку цвета пекана и спросила:

– Мы можем их оставить себе?

Довольно разумный вопрос, учитывая наши непростые отношения с долгосрочными обязательствами.

Я была совершенно очарована розовыми, шершавыми язычками, аккуратными миниатюрными коготками и шаткими лапками. Для меня они стали соблазнительным пропус-

ком в мир настоящего счастья, в мир с собакой. «У нас уже две кошки, – можно было бы сказать тогда. – Разве один маленький щенок нам помешает?»»

– А можно они сегодня будут спать с нами? – спросила я. – Обещаем, что будем спать!

Можно было даже не рассчитывать, что мы сдержим слово без серьезного снотворного. Большую часть вечера мы не спали, любуясь нашими новыми игрушками. А внизу происходило традиционное празднование. Бабушка вслух подпевала Лайзе Миннелли, опустошая домашний бар. Мама кричала что-то про «упаковку этих ЧЕРТОВЫХ рождественских подарков», а папа сбежал от всех и тихонько читал «Психологию сознания при срыве двухкамерного разума».

Вот так в Рождество 1978 года мы с Рэйч в радостном изнеможении невыспавшихся молодых родителей спустились вниз к нашим бархатистым новым подарочкам, чтобы начать жизнь котовладелиц.

Папа посоветовал выбрать имена для наших питомцев из книги Т. С. Элиота «Популярная наука о кошках, написанная Старым Оппоссумом» – ему явно хотелось придать столь незнакомому семейному опыту литературную основу. Неудивительно, что нам приглянулись Мангоджерри и Рамплтизер, два очаровательных, шустрых кота, без постоянного адреса, которые всю жизнь проводят в странствиях.

Не тебе мне рассказывать, Т. С. Элиот!

Рэйч со свойственной ей мягкой покладистостью согласи-

лась на одобренное папой имя Рамплтизер, но я своего кота назвала по-другому. Мангоджерри показалось мне слишком уж вычурным, поэтому я выбрала более короткое Трикл.

Всего после нескольких сезонов Рамплтизера постигла судьба актера, вычеркнутого из сюжета: он пропал, предположительно «сбежал». Папа, в определенных вещах честный до неприличия (пример: «А программа „Джим все исправит“ хорошая, па?» – «Нет, боюсь, что его все считают педофилом»), почему-то особо не распространялся по этому поводу. Рампл ушел гулять и обязательно вернется, заверил нас папа. Но время шло, и краткое отсутствие Рампла превратилось в полномасштабную загадку в стиле лорда Лукана<sup>9</sup>.

Я не была готова к тому, что котовладение может оказаться временным. Как может быть, что тот, кто прижимался к твоему боку и делил с тобой жизнь, может сегодня быть с тобой, а завтра нет? И как все остальные могут спокойно жить дальше?

Рэйч пережила это событие стоически, хотя я нашла свидетельство ее глубокого горя в нашей потрепанной адресной книжке.

«Книжка», как мы ее называли, была описанием социальной жизни родителей. Корешок ее несчетное количество раз подклеивали уже пожелтевшим скотчем. Книжка была пол-

---

<sup>9</sup> *Ричард Джон Бингэм, 7-й граф Лукан*, также известный как лорд Лукан (1934–1999), – британский пэр, англо-ирландский аристократ. В 1974 году няня его детей была найдена мертвой, а граф загадочно исчез. Поиски лорда длились 25 лет по всему свету, и в 1999 году его юридически признали мертвым.

на литературных имен, написанных маминым каллиграфическим почерком (она специально этому научилась). Однажды я листала ее и после «М» – Джонатан Миллер, Норман Мейлер, Спайк Миллиган – открыла букву «Р». И там, между телефонным номером RADA<sup>10</sup> и телефоном специалиста по сценической речи Royal Shakespeare Company<sup>11</sup>, сестра написала простым карандашом: «ИМЯ: Рампл. АДРЕС: Он потерялся?»

Родители решили дать шанс восходящей звезде. Кипперу сразу не повезло – уж больно простенькое у него оказалось имя. Неудивительно, что вскоре нам сообщили, что он «просто нам не подходит, девочки». У него не было ни актерского таланта, ни любви к слушателям, так что его отправили жить к нашему курьеру из химчистки. Он каждую неделю приходил к нам и соглашался на оплату счетов монетками из копилки Рэйч. Киппер на личном тяжелом опыте узнал, что в нашей семье не стоило прятаться в углу, завывать актерским голосом и чихать от сигаретного дыма.

После этого в нашей семье появился Дэнни. Этот бирманский кот был идеальным котом, по которому стоило бы оценивать всех остальных. Он был исключительно красив, чу-

---

<sup>10</sup> Royal Academy of Dramatic Art, рус. *Королевская академия драматического искусства* – одна из самых известных театральных школ как в Великобритании, так и в мире.

<sup>11</sup> Королевский Шекспировский театр. Находится под управлением Королевской шекспировской компании, репертуар которой составляют пьесы британского драматурга и поэта Уильяма Шекспира.

ток, сразу прыгал на колени, чтобы слизнуть ваши слезы, отличался игривостью, но без назойливости, был ласковым, но сдержанным. Он мог бы превзойти Трикла, но их отношения сложились в точности как у нас с Рэйч. «Честно говоря, я рад, что ты появился, приятель, – думаю, так говорил Трикл за обедом из обрезков курицы. – Не пойми меня превратно, они неплохие люди. Но в больших количествах они – такая головная боль!»

Через год после появления Дэнни родители позвали нас в гостиную для разговора. Мы с Рэйч только что вернулись от школьной подружки – мы гостили с ночевкой в семье с собакой. Дома царил атмосфера странного спокойствия.

Сообщить нам «очень важную» новость выпало папе.

– Итак, девочки, новость... – Он смахнул с рукава несуществующую пушинку. – Новость... – Он еще раз повторил это слово, как ведущий, который стремится усилить напряженность аудитории. – Новость в том, что Дэнни... Дэнни – МЕРТВЫЙ кот!

– Дэнни... умер? – голос Рэйч дрогнул.

– Дааааа! Верно, девочки! Он мееееееертв! – Папа попытался придать «разговору о смерти» оттенок умильности – таким высоким, сюсюкающим голосом люди говорят с маленькими детьми или с собаками. – Дэнни пришлось усыпить, потому что... у него был неизлечимый РАК!

Слово «рак» папа произнес еще более странным тоном. Так в телевизионных викторинах объявляют выигрыши: «Вы

*только что выиграли отпуск НА МАЛЬТЕ!»*

Смерть Дэнни стала для нас «моментом президента Кеннеди» – неопровержимым доказательством того, что жизнь бессмысленна и жестока, а в случае Дэнни – еще и ужасно коротка. Мы сидели, шмыгая носами. Слезы капали на наши футболки. Дэнни блеснул так ярко. Казалось невозможным, что он может исчезнуть в одночасье.

– Я иду спать! – крикнула я в яростном протесте.

Рэйч покорно последовала за мной, присоединившись к моему бесплодному протесту. Она не стала даже смотреть с родителями «Галактическую империю».

Мы, обнявшись, лежали на ее кровати, а Трикл слизывал слезы с наших щек и мурлыкал, довольно непочтительно в сложившихся обстоятельствах. Больше всего должна была бы горевать Рэйч, но, как всегда, мы с ней были едины в этом горе. Ее утраты были моими утратами, ее радости – моими радостями. Как бы ни было печально, но приходилось признать, что Рэйч не суждено быть счастливой котовладелицей. Потерять одного кота – это случайность. Но трех?! Для подобной беззаботности пришлось бы придумать новое слово.

– Пусть Трикл будет нашим общим котом, – предложила я в качестве утешительного приза, понимая, что пора прекратить бесконечную череду новых котов.

Дэнни был настоящим Фредди Меркьюри в мире кошачьих: он был слишком хорош и ярок, чтобы заменить его кем-то другим.

Но новый «мертвый» статус Дэнни позволил Триклу наконец-то блеснуть в полной мере. Моим родителям импонировали его красота и поразительно расслабленное отношение к жизни. Мама называла его «молотком». Даже автомобильная авария, после которой ему пришлось носить проволочную шину на челюсти, не могла надолго вывести его из строя. Как и мы, Трикл жил, будто играл в шоу. Он обладал шестым чувством, которое подсказывало ему образ поведения. Он мог запрыгнуть на колени нашего старого банковского менеджера, которого мама всегда приветствовала хрустальным смехом, свежей прической и исключительно нежными разговорами с нами, пока она наполняла его бокал. Трикл инстинктивно понял и приспособился к тому, на что у нас с Рэйч ушло несколько лет. Он сразу понял, что мы – не семья, а кочующая актерская труппа. Семья, как говорил папа, «это слепая преданность тем, чьи гены ты унаследовал»: пустая, сентиментальная концепция.

Люди часто говорят, что когда в семье появляются дети, то перестаешь быть в центре кадра. Постепенно отступаешь на задний план, пока не сливаешься с рамкой. Но мои родители оставались ярким пятном в центре нашего существования в духе Джексона Поллока, а мы с Рэйч оставались незапланированными мазками на их холсте.

Даже в раннем детстве я понимала, что папина любовь к одиночеству и полное отсутствие интереса к рутинной повседневности – не те качества, которые хорошо сочетают-

ся с семейной жизнью. Отец привык к материальному комфорту – он вырос в семье богатого новозеландского торговца лесом. И это означало, что у нас с Рэйч были деньги в трастовых фондах, открытых для нас двоюродной бабушкой. Впрочем, большая часть этих денег уже была растранижена на «детские расходы» – послеобеденные деликатесы в «Хэроудс», просроченные налоговые платежи и вино шабли.

Мы получали известия о наших воспитанных кузинах и кузенах, которые поступали в медицинские институты и военную академию «Сэндхерст», и понимали, что нас воспринимают как нечто любопытное и забавное, колоритно оттеняющее их спокойный, комфортный мир.

Благополучный старт жизни лишил папу амбициозности, свойственной его друзьям, которые изо всех сил боролись за стипендии и первые места в выпусках Оксфорда. Папа предпочитал продвигаться в жизни с помощью красноречия и старомодной лести. Он смог бы стать живым сердцем литературного салона XIX века или придворным фаворитом в Версале – для этого у него были и интеллект, и остроумие, и колоссальный запас знаний. Но нетерпимость к так называемым слабым умам часто заставляла его приводить в действие тяжелое интеллектуальное оружие. Знакомства с соседями быстро прекращались после политического спора с дантистом, взгляды которого папа заклеил как «громогласные клише, которые льются с неостановимостью тропического ливня». Как-то раз он назвал картины в доме знако-

мого «тусклыми и безжизненными холстами, которым место на ограде Гайд-парка».

Мы с Рэйч коллекционировали такие случаи, чтобы поддразнивать его. Мы следили за ним на вечеринках и записывали его словечки в наш блокнот «Хеллоу Китти». Записывали мы и его сладкие речи, на которые он был большой мастер, стоило лишь заметить красивую женщину. Эти его фразочки были выделены в специальный раздел «Папино воркование!». «Вы так красивы, что мое сердце вот-вот выскочит из грудной клетки», – сказал он жене приятеля. Мама лишь посмеивалась над его флиртом. «Фразочка для вашей книжки, девочки!» – говорила она, наслаждаясь ощущением женской близости, как старшая сестра, снисходительно наблюдающая за неуклюжими романтическими эскападами брата.

Именно так мама справлялась с потенциально опасными моментами – она превращала их в забавные анекдоты. Даже свое абсурдно кочевое детство, которое даже Диккенс счел бы слишком уж тяжелым для романа, она превращала в веселые истории для развлечения друзей за обедом. От одного необычайного приключения она переходила к другому, перемещаясь из родного Уэльса в Турцию и Судан, куда бабушка отправлялась за очередным мужем или любовником, а потом снова возвращалась в Англию, где ей приходилось кочевать от одних друзей к другим. С пятнадцати лет ей пришлось жить самостоятельно. Из этого хаоса она попыталась вырваться, заставив моего отца остепениться, но в результа-

те попала в мир иных, но не менее сложных проблем.

Безупречные манеры и поразительная общительность позволили ей проникнуть в средний класс так убедительно, что никто даже не представлял, какой мир она оставила позади. Она навела лоск на свое рабочее происхождение и историю, с головой ушла в кулинарные книги, чтобы сродниться с кухней французского Прованса, которую так любили приятели моего отца, и усердно штудировала книги, о которых говорили в наших салонах.

Но за вхождение в этот мир пришлось заплатить высокий налог. Мама пожертвовала тягой к пригородному покою, желанием любить и быть любимой. Я чувствовала это, когда другие матери жаловались на тяготы беременности. У мамы в такие моменты непроизвольно выскакивало: «А я бы хотела, чтобы это никогда не кончалось!» Я чувствовала это, когда она в пять секунд успокаивала чужого рыдающего младенца, когда останавливалась, чтобы развеселить грустных детей, – ожерелья позвякивают, руки протянуты вперед для объятий, добрые слова наготове. Я чувствовала это, когда мы болели, и она целую ночь сидела рядом и гладила нас по головам. Дневная Мама всегда мечтала о такой жизни. Но у Мама Вечерней были другие планы. Она была вольной птицей, просто неспособной планировать свою жизнь так, чтобы приехать к воротам школы в назначенное время. Она была бунтаркой, не думающей о последствиях и способной выложить кучу денег за деликатесы в «Хэрродс». Она была

соучастницей измен своих подруг и друзей и без раздумий предоставляла наши с Рэйч постели для внебрачных утех.

Никогда не забуду, как однажды в Холли-Виллидж она сказала мне, что всегда мечтала сидеть во главе огромного соснового стола, чтобы «вокруг бегали ребятишки, а на столе стояли тарелки с лазаньей, звучала музыка и царила любовь». Мама сказала об этом очень грустно. Тогда я ее не совсем поняла – особенно принимая во внимание жизнь, которую она вела. Она была не матриархом, а скорее помощником режиссера, отчаянно пытающимся держать в руках труппу бродячих актеров.

Теперь я думаю, не эта ли тяга к родству привела ее в закулисный мир театра, где ее не очень-то принимали. В этой роли она проявляла свои лучшие качества: поддерживала чужие эго, разряжала атмосферу своим смехом и светскостью. Те же качества она принесла в нашу банду четырех, где умело управляла атмосферой дома, избегала кризисов и следила за тем, чтобы все придерживались комфортного сценария собственных ролей. Мама была энергичным продюсером, папа – избалованной и ненадежной звездой, а я – шумной актрисой эпизода, вечно требующей больше времени и слов.

Рэйч отводилась роль всеми обожаемой, грациозной и элегантной героини. Наша семья шагала по жизни по залитой бензином дороге, разбрасывая во все стороны зажженные спички, Рэйч же семеняла следом, туша каждую искру,

прежде чем пожар успевал выйти из-под контроля. Рэйч была игроком, ненавязчивое присутствие которого могло заставить тебя забыть о той важнейшей роли, которую он играет в выживании команды. Впрочем, мы все питали к ней несколько извращенное обожание. Мы возводили ее на пьедестал, но одновременно считали очень хрупкой и слабой, почти отвергая ее бесценные качества. Если я получала хорошую оценку в школе или комплимент, мне часто шептали, чтобы я не слишком хвасталась.

Такая неловкая проблема возникла, когда мама записала нас в детскую театральную студию Анны Шер. И очень скоро мне стали предлагать работу на телевидении. Мама была в ужасе: как сказать об этом Рэйч. «Скажи, что это потому, что ты маленькая и можешь играть детские роли», – велела она мне, когда мне предложили роль в «Дне триффидов»<sup>12</sup> на Би-би-си. «Скажи, что им нужна была брюнетка», – шепнула она, когда я получила роль в детективной драме «Профессионалы»<sup>13</sup>.

Через какое-то время предложения работы стали отменяться в последнюю минуту. Роль дочери Мерил Стрип в «Женщине французского лейтенанта»<sup>14</sup> и главная роль в «Ласточках и амазонках» так и не материализовались. Мама

---

<sup>12</sup> Телесериал 1981 года по одноименному научно-фантастическому роману Джона Уиндема.

<sup>13</sup> Британский телевизионный сериал 1977–1983 годов.

<sup>14</sup> Фильм Карела Рейша, вышедший на экраны в 1981 году.

сказала, что «таков мир кино». Лишь спустя много лет, когда мы были уже взрослыми, Рэйч рассказала, что это мама от них отказалась. «Это был такой странный поступок, о котором мы тебе не говорили. Но я все равно проболталась», – сказала она.

Я спросила у мамы о словах Рэйч, и она призналась, что боялась за меня. Боялась, что я стану избалованной. («Зато я была бы богатой и избалованной», – говорила я подругам.) Ушло немало времени, прежде чем я поняла, как тяжело ей было получить желанный звонок театрального агента, поднять трубку и услышать: «Не могу ли я поговорить с вашей восьмилетней дочерью?»

Оглядываясь назад, я понимаю, что этот случай очень точно отражал динамику нашей семьи: Рэйч – обожаемая, но хрупкая, я – вечная угроза естественному порядку вещей. А еще он отражал слегка более высокий статус Рэйч, который я всегда чувствовала. Она всегда сидела в просторном бизнес-классе, а меня запикивали в хвост, в эконом.

Впервые это осознание пришло ко мне в Холли-Виллидж, и с того времени я стала сильнее сближаться с отцом.

Я спрашивала, можно ли мне навестить его на Би-би-си после школы, надеясь проникнуть в его мир и закрепиться на этой территории. Первый посольский визит состоялся, когда мне было около девяти. Накануне я тщательно продумала свой наряд – изящные лоферы с кисточками, розовая сумочка через плечо, ванильный бальзам для губ... Я должна

выглядеть не хуже его очаровательных коллег женского пола.

Когда мама ушла, папа познакомил меня с продюсером Анитой, яркой блондинкой в мягком джемпере пастельного цвета. Она была похожа на мамочек из телевизионной рекламы, которые развешивают кухонные полотенца на блестящие крючки. Анита похвалила мое стихотворение про чуму. «Твой папа так гордится тобой – стихотворение прекрасное!» – сказала она. Я почувствовала, что с Анитой сработалась бы.

Мы ходили по коридорам – втроем. Я видела, как уважительно здороваются с папой дикторы и комментаторы. Он был словно чемпион-тяжеловес по пути на ринг. Цветистая речь и нетерпимость к рутине повседневной жизни здесь казались совершенно естественными. Все считали его замечательным человеком.

Я села за его пишущую машинку и напечатала письмо на фирменном бланке Би-би-си: «Дорогая Рэйч, я сейчас в кабинете папы, здесь ТАК ЗАБАВНО!» Жестокая тактика – так ведущий «Поля чудес» говорил участникам: «Посмотрите, что вы могли выиграть».

Папа сидел, положив ноги на стол, и разговаривал по телефону: «Привет, старый боров! Док Гитлер сегодня придет?» В кабинет заглядывали молодые продюсеры, спрашивали его совета о документальных фильмах и спешно что-то записывали. Папа расстраивался, что телевизионная журналистика становится циничной и крайне глупой. Он часто говорил об

«опасной сенсационности»: «Нужно не просто сорвать экзотический плод, а рассказать про весь сад». Когда голоса мужчин становились более резкими, мягко вмешивалась Анита. Амбициозные коллеги спрашивали у папы совета, какое слово лучше выбрать и какое редакторское решение принять. Это было его королевство, а я, сидя рядом с ним, понимала, что мы вполне можем жить вместе, без всяких атрибутов семей с собаками и загородными домами.

Когда в Холли-Виллидж мы усаживались смотреть телевизор, мне нравилось класть голову ему на плечо и расспрашивать про кинозвезд, у которых он брал интервью. Он часто рассказывал мне про Грейс Келли, называя ее «грустной принцессой». «То, от чего она отказалась, – говорил он, – оказалось в конечном итоге слишком большой жертвой для того, что она приобрела». Он повторял это мрачно и торжественно, превращая все виденные мной диснеевские фильмы про принцесс в предостережение от жизненного выбора, отрицающего феминизм.

То, что мама в это время покорно готовила свиные отбивные так, как он любил, и только что согласилась изменить свое мнение на предстоящих всеобщих выборах в соответствии с его убеждениями, было неловкой истиной, которую мы оба соглашались не замечать.

Союз с отцом никогда не смог победить преданности истинному «королю-солнцу» моей жизни. Эта роль всегда принадлежала сестре, которая управляла моей вселенной. Она

была для меня краеугольным камнем, маяком, освещающим путь домой. Когда я плакала или падала в школе и разбивала колени в кровь, то сразу же звала ее. «Мне нужна Рэйч!» – рыдала я, когда одноклассники дразнили меня или учительница выгоняла из класса! Мы были неразрывно связаны друг с другом.

Когда мы вместе сидели на диване в Холли-Виллидж и смотрели мультфильмы про Скуби-Ду, а Трикл запрыгивал нам на колени и толкал нас головой в подбородок, я чувствовала сияние чего-то такого, что до этого времени всегда ускользало от нас. Я ощущала чувство дома. Но мне не хватало одного очень важного элемента – виляния собачьего хвоста.

Как-то раз я услышала, как с мамой разговаривал наш сантехник. Засунув руку в унитаз, он делился с ней своими семейными проблемами: «Если бы это зависело от меня, мы развелись бы. Но она говорит, что мы должны остаться вместе ради нашей немецкой овчарки».

Родителей эта слегка сомнительная логика страшно веселила. Фраза «ради немецкой овчарки» быстро вошла в лексикон нашей семьи – она обозначала все абсурдно необъяснимые оправдания. Но мне это смешным не казалось. Со всем. Собаки были абсолютным связующим звеном, полной остановкой, откровенным заявлением: «Мы нормальные, и не на что тут смотреть». Нельзя просто прыгнуть на самолет без предупреждения, если у тебя есть собака и долги. Соба-

ки заставляют тебя оставаться.

## Глава третья

Мне было девять лет, когда я пережила боль первой любви. Но наши отношения были довольно сложными – так всегда бывает, когда влюбляешься в того, кто зарегистрирован в собачьем клубе.

Золотистый, энергичный, но хорошо воспитанный Ральф был собакой моей мечты. Спокойный, не причиняющий никаких проблем пес отлично понимал человеческие эмоции – он не навязывался и позволял заниматься своими делами, но испытывал бесконечную благодарность за каждую минуту, когда ты брался за поводок или решал его приласкать. Он даже гостей приветствовал исключительно элегантно, изящно помахивая хвостом, а не кидаясь сразу же исследовать гениталии. От него исходил аромат свежей травы и домашнего уюта. Он обладал способностью поистине харизматического лидера – в его присутствии ты чувствовал себя самым важным человеком в комнате. Но Ральф принадлежал не мне. Он был собакой Люси Симпсон, девочки, которая вела идеальную жизнь. Я училась с ней в одном классе и хотела жить, как она.

Люси носила светлые сандалии, которые ей купили во время ежегодного семейного отдыха в Греции. Когда я врвалась в класс, бормоча что-то о спущенной шине, она всегда уже сидела за партой, разложив перед собой заточенные ка-

рандаши. Дома она готовила уроки, потом аккуратно задвигала стул, бралась за книжку Энид Блайтон<sup>15</sup>, а потом, как положено, выключала свет. Практичную стрижку ей делала симпатичная местная парикмахерша, а не стилист-визионер из салона Видала Сассуна<sup>16</sup>, который при нашем появлении вечно вздыхал: «О боже, *дети...*»

Я с завистью сравнивала удобную и практичную одежду для игр Люси с нашей, которая более всего подошла бы юным принцам, приветствующим своих подданных с балкона. Вельветовые брюки Люси с обтрепанными краями демонстрировали экономную финансовую стратегию семей, имеющих собаку. Мои кожаные туфли и пальто с золотыми пуговицами покупали на Бонд-стрит, а потом мы получали суровые письма с напоминанием о неоплаченных чеках. «Но ведь Джон Кеннеди-младший на похоронах отца был в пальто именно от Rowe's!» – заявляла мама, когда я умоляла ее купить мне что-нибудь в «Маркс и Спенсер» – «как у Люси Симпсон».

В нашей школе Люси была настоящим образцом для подражания. В моем представлении она располагалась где-то между домами А. Э. Хаусмена<sup>17</sup> и Чарльза Диккенса. В на-

---

<sup>15</sup> *Энид Мэри Блайтон* (1897–1968) – британская писательница, работавшая в жанре детской и юношеской литературы, одна из наиболее успешных подростковых писательниц XX века.

<sup>16</sup> *Сэр Видал Сассун* (1928–2012) – британский парикмахер, предприниматель и общественный деятель.

<sup>17</sup> *Альфред Эдвард Хаусман* (1859–1936) – один из самых популярных по-

шей школе была довольно своеобразная учительница актерского мастерства. В «Сказании о Старом Мореходе» мы изображали погибших моряков и распевали: «Моей стрелой убит был альбатрос!» «Они твердят, что я ПОВЕСИЛ СВОЮ МАТЬ!» – нестройно пели мы под столь же нестройный аккомпанемент скрипок.

В следующий раз мы изображали пораженных радиацией жертв ядерного холокоста, что привело добрых родителей из семей, имеющих собак, в настоящий ужас. Мой отец назвал их реакцию «провинциальной брезгливостью» – он частенько говорил нечто подобное о тех, у кого была газонокосилка. «Прекрасное экспериментальное произведение!» – согласилась мама.

Симпсоны никогда не сочли бы пьесу о жертвах ядерного холокоста «прекрасным экспериментальным спектаклем». У Симпсонов была машина-универсал. Но, главное, у них был Ральф, который каждый день с павловской надежностью запрыгивал на окно их эдвардианского дома, встречая отца семейства, банковского служащего. У них был холодильник, заполненный контейнерами Tupperware, а на журнальном столике аккуратно лежал еженедельник *Radio Times*, где красным кружочком было обведено время передачи «Лев, Колдунья и платяной шкаф». Уезжая в отпуск, Симпсоны включали таймер света, потому что «папа считает, что луч-

---

этов-эдвардианцев, автор стихотворного сборника «Шропширский парень», получившего широкую известность в годы Первой мировой войны.

ше побережся, чем потом сожалеть». Так сказала мне Люси, когда мы с ней поднимались по лестнице, застеленной бежевым ковром, в ее комнату, чтобы заняться «домашними заданиями». Лучше побережся, чем потом сожалеть. Поразительно глубокая максима мистера Симпсона произвела на меня впечатление гораздо более сильное, чем слова Мартина Лютера Кинга: «Не бывает неподходящего момента для того, чтобы поступить правильно».

В глазах моего внутреннего Горлума Люси Симпсон была героическим хранителем Кольца. В своей темной спальне я мечтала об универсале, который водили ее родители, и о поводке Ральфа, который висел на крючке в кухне. Машина и поводок стали для меня символом «прелести». Люси принимала мою дружбу со спокойной веселостью. Мои странные истории ее развлекали, а желание проникнуть в ее домашний мир даже льстило. После моих экстравертных выходов она с укоризной покачивала головой и мягко, по-родительски, меня журила: «Полная чушь!» или «Это уже перебор!»

Когда мистер Симпсон отправлялся в командировки, он слал домой открытки. Открытки аккуратно расставляли на каминной полке. Все они были посвящены одному и тому же: «Отличная еда. Скучаю по вам!» Внешне открытки ничем не отличались от тех, что периодически присылал нам папа, когда отправлялся на съемки очередного фильма. Массивный эдинбургский замок соседствовал с Эйфелевой башней. Но стоило перевернуть папину открытку, как сразу становилось

ясно – это не письмо мистера Симпсона:

*Дорогие Эм и Рэйч,*

Венеция – это настоящая мечта об элегантной жизни в ослепительно красивом месте, которая неожиданно исполнилась. Но насколько же мрачна история этого города – чума, кровавая резня, страдания... Полагаю, такова цена за презрение к богам скромности и логики – только подобное чувство могло заставить людей построить этот архитектурный шедевр на забытом богом болоте. И все же это чудо стоило каждой потраченной на него лиры.

*Люблю вас,*

*Папа*

Иногда миры непохожих открыток сталкивались – это происходило во время наших семейных встреч с Симпсонами. Я считала эти визиты возможностью показать родителям цели, к которым им следовало стремиться. Так коучи используют зависть в качестве мотивирующего принципа. Но семья моя так легко не поддавалась, и моя одержимость столь организованным образом жизни их лишь изумляла. Сверкающая кухонная утварь Симпсонов не производила на Рэйч никакого впечатления. Папа весьма критически рассматривал книги на их полках, а мама сразу же просила дать ей пепельницу и открыть побольше вина за обедом. Словом, наша фирменная развращенность мгновенно портила спокойную и безмятежную атмосферу этого дома.

Во время таких визитов я всегда чувствовала себя нелов-

ко. Я боялась момента, когда папа начнет рассуждать о капитализме, подавляя своим интеллектом любые разговоры про отпуска и школьные праздники. Мама элегантно уводила беседу в сторону, не давая папе зайти на опасную почву. Для этого у нее было запасено множество забавных историй.

Гораздо проще было исследовать мир семей, имеющих собаку, в одиночку. Я научилась мимикрировать и сливаться со средой. А для этого я внимательно наблюдала за их поведением и перенимала детский лексикон – «вкусняшка!», «уррра!», «дурачок»... Я всегда поднималась по утрам первой, чтобы показать, что для меня ранний завтрак в кругу семьи – самое естественное дело.

Даже причины редких семейных конфликтов у Симпсонов казались мне поразительно милыми. Они ссорились из-за того, чья очередь лидировать в «Монополии» и включать ли в машине Филадельфия или выбрать другую музыку. У нас же конфликты были другими: «Сколько еще этот чертов чилийский пианист будет ночевать на нашем диване?» (Ответ: «Вечность!»)

У Симпсонов был загородный коттедж в Саффолке, и меня иногда приглашали туда на уик-энды. Мы загружались в их машину, запасались сладостями в дорогу и играли в «шпиона», а Ральф спокойно спал в багажнике за решеткой. «Кто хочет пойти и нарвать фенхеля к обеду?» – спрашивала их мама, Салли, и сразу же предлагала мне сменить красивые кожаные туфли на резиновые сапоги. Мы бегали по по-

лям, а Ральф несся впереди, энергично размахивая хвостом. Мы играли в настольные игры и отправлялись в «поездки», останавливаясь в сельских пабах, чтобы заказать креветок. А потом нас ожидали ванна, чай и «только одна глава из ваших книжек!», перед тем как в доме гасили свет.

Выходные у Симпсонов становились для меня пропуском в совершенно другую жизнь, где четко разделены миры взрослых и детей. Здесь люди разговаривали, не переходя на длинные монологи, усыпанные цитатами из Филиппа Ларкина.

Может быть, все переживают нечто подобное, когда проводят время в кругу других семей? Когда мы начинали собирать сумки, чтобы возвращаться в Лондон, я чувствовала себя предательницей. Я возвращалась к тем, кто совершенно не признавал моего эмоционального предательства. Люси и ее сестра Джессика мирно спали в машине, а я смотрела на мелькавшие в окне безмятежные сельские пейзажи, терзаясь противоречивыми чувствами. Меня тянуло к этой другой жизни, но в то же время я испытывала облегчение от возвращения в знакомую и теплую реальность моей эксцентричной семьи.

Я подходила к дому с готическими окнами. Трикл спешил мне навстречу по газону, и его причудливый ошейник поблескивал на солнце. И я ощущала чувство принадлежности нашему странному миру. Я завидовала жизни Симпсонов, но люди из странного готического дома были моей бандой.

А члены банды всегда держатся вместе.

## Глава четвертая

Как-то ночью мы с Рэйч проснулись оттого, что кричала мама. В Холли-Виллидж хватало драм, но на тот раз что-то было не так. Мы бросились на лестницу, чтобы подслушать. Папа что-то крикнул в ответ, потом хлопнула дверь и все кончилось. Мы проскользнули в свою спальню, решив все обсудить в нашем секторе Газа.

Эпических семейных ссор у наших родителей никогда не случалось. Мама обезоруживала всплывшего отца спокойным тоном, достойным переговорщика при захвате заложников. Замаскированная враждебность и захлопнутые двери были нам чужды. Обычно все конфликты в нашем доме разрешались шумно и быстро. Но молчание стало новым оружием в мамином арсенале – надо признать, весьма эффективным в атмосфере постоянного шума.

В Холли-Виллидж явно что-то происходило.

Папа стал все время проводить в закрытом кабинете. Он о чем-то тихо разговаривал по телефону с Анитой. Мама, цоккая каблуками, возвращалась из театра позже, чем обычно. После этого папа часто стремительно спускался по лестнице. Очень редко они проводили ночь вместе – в нашей семье все как-то изменилось.

Как-то в субботу Рэйч решила разобраться, что происходит. Папа дремал под фильм с Бингом Кросби, а она совер-

шла налет на родительскую спальню. Мама ушла на обед в клуб «Занзибар» со своими театральными друзьями-геями.

Рэйч, как истинный следователь, обшаривала ящики, а я стояла на стреме. Мне досталась роль недотепы, которому нельзя доверить ничего более ответственного.

– Смотри, я нашла его дневник! – торжествующе прошипела сестра.

Через какое-то время тон ее стал разочарованным.

– Тут все про книжки, – прошептала она, листая страницы, а потом спросила: – А что такое «супружеский долг»?

Я пожала плечами, представив, как папа исполняет какой-то ритуал, связанный с кострами и жертвоприношениями животных.

Раньше в нашей семье царил дух равенства, и в подобных шпионских изысканиях нужды не было. Мы знали об отношениях родителей все – знали даже то, что на заре этих отношений мама нашла у отца письмо от другой женщины. А у мамы был роман с женатым мужчиной. А первый папин брак с женщиной по имени Ширли распался («Я устал жить в соответствии с чужими ожиданиями»). Но теперь между нами и проблемами взрослых пролегла странная граница. Мысль о том, что у родителей есть собственная жизнь, которая нас не включает, казалась абсурдной.

Каждый уик-энд мама стала отправлять нас к бабушке. Она утверждала, что это лишь для того, чтобы мы могли «по-настоящему пообщаться» с бабушкой, но в этих поездках

была некая необсуждаемая срочность. Нам казалось, что из истории нашей семьи вырвана очень важная страница.

– Почему мы должны все выходные проводить у нее? – однажды возмутилась Рэйч, когда мы грузили в машину свои подушки и одеяла. – Она же вечно пьяная!

– И она водит нас в паб, где растаманы предлагают нам РОМ! – добавила я с праведным гневом.

Как-то в пятницу мы, нагрузившись своими одеялами так, что нас и видно-то не было, звонили в брикстонскую квартиру. Мы уже были готовы провести очередной бесконечный уик-энд с забавной, но слишком уж пристрастной к спиртному бабушкой. Мы поднялись по узкой, вонючей лестнице и поздоровались с Долли, бездомной проституткой, которой наша бабушка успешно сдала лестничную клетку. Долли приветливо улыбнулась нам беззубым ртом.

Бабушкины кошки слонялись по квартире. Лаки был черным, с белой манишкой. Гостей он встречал как завсегдатай сельского паба, обнаруживший туриста на своем законном месте. Бабушка оправдывала его неприветливость «застенчивостью». Черепаховый с рыжими пятнами Саймон был пугливым спутником Лаки. У него явно были проблемы с зависимостью от партнера. Это были самые недомашние из всех домашних любимцев в мире – две пары напуганных, остекленевших глаз, восемь шустрых лап... Большую часть времени они проводили, прячась за диванами, и появлялись только для того, чтобы атаковать миску с «Вискасом» или

написать на одежду, прежде чем снова скрыться во мраке.

– Какой смысл держать этих чертовых котов, если они так безобразно себя ведут? – вечно повторяла мама, забирая нас от бабушки. Страх сцены, свойственный этим котам, ей явно не нравился.

Мы с Рэйч давно забросили попытки выманить Лаки и Саймона из их убежища. Бабушка утверждала, что, когда мы все уходим, коты, освободившись от наших осуждающих взглядов, превращаются в умных и харизматичных экстравертов. Саймон, по ее словам, даже умел говорить «мама». Верилось ей с трудом – все равно как если бы кто-то уверял вас, что его мрачный, суровый друг – «настоящий весельчак», нужно лишь узнать его получше.

Возможно, Лаки и Саймон просто страдали от тяжело-го посттравматического стрессового расстройства. Они рассчитывали на жизнь с пенсионеркой, а оказались в руках женщины, которая однажды набросилась на грабителя и попыталась стащить с него брюки, а он в ужасе бежал от нее с криками: «СУКА!»

Если родители были в цирке нашего детства распорядителями манежа, то бабушке досталась роль бородатой женщины – роль экзотическая, необычная, почти легендарная. Она не походила на бабушек моих школьных подруг. Те держали в карманах своих кардиганов мятные конфетки и салфетки. В их жизни не было пяти мужей и незаконнорожденного ребенка от американского полковника. Они не встречались с

турком, который называл себя «посланцем короля». Их бабушки не носили разных имен. Мы с Рэйч называли нашу бабушку Джози, Айви-Мэй и Линги-Лу, в зависимости от ситуации.

Даже сейчас я не знаю, что ответить, когда меня спрашивают о ее жизни. О какой? О жизни танцовщицы кабаре в Уэльсе или гувернантки в Турции, в семье американского полковника, который стал отцом ее сына? О жизни женщины, которая создала школу в Нигерии, или той, что помогала повстанцам-южанам во время гражданской войны в Судане?

Романтические увлечения помотали бабушку по свету, а за ней следовала моя мама, которая в пятнадцать лет сбежала в Лондон, чтобы поступить в театральную школу. Там она периодически получала билеты на самолет, чтобы присоединиться к бабушке на очередном этапе ее мирового турне.

Теперь бабушка жила в ветхом викторианском особняке возле станции метро «Брикстон». В те годы репортеры, освещавшие беспорядки 1981 года, заходили в этот район с опаской. Впрочем, это обстоятельство не мешало родителям каждую неделю отправлять нас «пообщаться» с бабушкой. Если в новостях сообщали об особо серьезных беспорядках, за нами приезжал папа. Он пробирался между бутылками и полицейскими кордонами, чтобы обеспечить наше безопасное возвращение домой.

Бабушка была одной из тех женщин, о которых всегда говорят, что «в свое время они были настоящими красавица-

ми». Каждое утро она усаживалась за старинный туалетный столик, покрывала лицо тональным кремом и пудрой, приклеивала искусственные ресницы и красила губы ярко-малиновой помадой. Она пила чай из треснувшей фарфоровой чашки, а сигареты тушила в блюде, не отрывая глаз от маленького телевизора, где шли утренние шоу 80-х годов. Бабушка выросла в те времена, когда личные травмы лечили очень просто: «Налей себе выпить, накрась губы и соберись». Особенно она одобряла начало максимы – «налей себе выпить».

«Кристина, расскажи нам о своей чудной матери!» – вечно требовали мамины приятели. Странная женщина, презирающая любые условности, вызывала всеобщий интерес.

Мама честно рассказывала безумные истории про бабушку – о том, как она использовала свою красоту и обаяние, чтобы выбраться из дикого мира своего уэльского детства и стать ослепительной роковой женщиной. Ее мужчины представляли собой эстафетную команду: первый муж из Уэльса передал палочку художнику, который увез ее в Африку и передал колониальному чиновнику, а тот вручил бабушку красивому нигерийцу, следом за которым настала очередь мужчины, известного как просто Джо. А потом бабушка вернулась к первому мужу. И все эти мужчины совершенно не обращали внимания на бесконечную череду остановок в пути для романов с бесчисленными любовниками.

Орды мужчин были частью истории моей бабушки, но

движущей силой всегда оставалась она сама. Она отказывалась признавать переходный этап среднего возраста, когда женщина из кокетки в центре внимания становится частью блеклого фона. Юная красота покинула ее, но уверенность и смелость – никогда. Бабушка стала сиять еще более свирепым пламенем.

Когда мы входили в бабушкину квартиру, коты тут же скрывались за диван, на котором вечно сидел ее жилец, питавшийся фасолью из банок и чипсами. У бабушки жил тихий, скромный мужчина из Гуля. Большую часть времени он слонялся по ее квартире, стараясь быть максимально незаметным и вечно краснея от бабушкиных смелых манер. Но последние несколько месяцев жизни она посвятила изменению его жизни. Он получил новое имя – «Джонни да Сильвер» – и новую карьеру. Карьеру стриптизера. «Я вселила в него ТАКУЮ энергию, девочки!» – с гордостью говорила бабушка, целуя кончики собственных пальцев, как итальянский шеф-повар из дневной телевизионной передачи.

Впрочем, она могла и не говорить – мы и сами видели Джонни да Сильвера во всем его блеске. Но он был человеком довольно чутким и в нашем присутствии серьезно сокращал свои репетиции. По-видимому, он чувствовал, что девочки в десять и двенадцать лет – не самая лучшая аудитория для финального этапа.

– Маленький симпатяга! – кричала бабушка, хлопая ему все сильнее по мере того, как пустела бутылка виски.

В такие моменты я гадала, как проводят выходные Симпсоны? Смотрят в кино «Флэша Гордона»? Играют в настольные игры, попивая тыквенный сок?

Вечером мы были избавлены от бесплатного представления. Около полуночи бабушка оторвалась от бутылки, сделала вид, что не замечает наших незаконных сигарет, и отпустила в спальню, чтобы мы наконец легли спать. И тут все началось.

Часы на ратуше Ламбета пробили два ночи, когда бабушка включила в квартире свет и ворвалась в спальню. На ней был шелковый тюрбан, макияжу позавидовала бы звезда немого кино, а зловещему взгляду – отъявленный алкоголик-драчун. В руках бабушка держала портативный кассетный магнитофон, из которого неслась этническая турецкая музыка.

– Где ЛЮБОВЬ? – воинственно спросила она.

– Ба! Успокойся, ты пьяная! – крикнула Рэйч, прячась под одеялом.

– Слушай меня, ты! – орала бабушка, переходя на нигерийский пиджин-инглиш, как всегда, когда пьянела. – Где ЛЮБОВЬ? Где ЛЮБОВЬ в этом чертовом 1981 году?

Очень подходящий вопрос в два часа ночи. К счастью, ответа бабушка не требовала – решила ответить сама.

– Я расскажу тебе. Я РАССКАЖУ ТЕБЕ, ДЕТКА. – Слово «детка» она буквально выплюнула с презрением. Бабушка помолчала и театрально выдохнула, словно ожидая апло-

дисментов. – Любви НЕТ в этом чертовом 1981 году! Как тебе такое, ДЕТКА?!

Глаза бабушки опасно сверкнули, она хлопнула дверь. Саймон и Лаки прыснули в стороны, как перепуганные ведьмины фамильяры<sup>18</sup>.

Мы с Рэйч заглушили хихиканье кулаками. Вид того, как взрослый человек полностью теряет самообладание, нас всегда немного возбуждал.

Бабушка вернулась. Она швырнула нам черно-белые фотографии и завопила:

– Я помню, как ЗАСТРЕЛИЛИ моего папочку! Они ЗАСТРЕЛИЛИ его, детка!

Очень необычный способ раскрытия не самой приглядной информации об умершем родственнике. В телевизионных передачах так не делают.

Иногда бабушка доставала фотографии пяти наших дедушек. Байо, нигерийский дедушка (то ли четвертый, то ли пятый – уследить было трудно), жил с ней, когда мы были совсем маленькими. Он говорил на странном английском, в котором чувствовалось влияние старых новостных программ. «Я люблю великую королеву СЛИШКОМ сильно», – мог сказать он. Мои родители часто рассказывали про Байо, чтобы позабавить друзей. Они вспоминали, как однажды он от-

---

<sup>18</sup> *Фамильяр* – волшебный дух, согласно средневековым западноевропейским поверьям, служивший ведьмам, колдунам и другим практикующим магию. Предстает в образе кошки (особенно черной), совы, собаки и иногда лягушки или жабы.

вел бабушку в полицейский участок, чтобы пожаловаться на «непокорность жены».

Однажды мы услышали странное слово, связанное с Байо. – А что такое «двоеженец», па? – спросила Рэйч.

Так очередной дедушка исчез из нашей жизни.

Бабушка решила провести старость в одиночестве, хотя первый уэльский муж (наш настоящий дед) частенько ее навещал. Мама называла его «первым мужем матери», предпочитая забыть о том, что он – отец, который ее бросил.

На людях мама посмеивалась над хаотичной жизнью матери, но наедине всегда разговаривала с ней несколько иным тоном. Она говорила, что мы «и половины всего не знаем». Но когда я видела, как она превращается в Вечернюю Маму, то сразу вспоминала непокорный дух бабушки и ее нежелание принимать поражение.

Бабушка тоже имела две личности. Вечерняя Бабушка была непредсказуема, но Дневная Бабушка бесконечно любила нас с Рэйч. Она массировала нам ступни, подавала виноград в резной деревянной африканской миске и присылала нам открытки, переполненные нежностью («Вы – лучшие из лучших!»). Бабушка любила преувеличения. Когда мы кричали на нее, ее сердце «разбивалось на тысячу кусочков». Продавец газет, не давший ей сдачи, превращался в «злобного, испорченного типа». Порой еженедельное погружение в ее жизнь казалось нам странной шуткой. «Вы думаете, что не похожи на других? Подержите мое пиво!» Но в сравнении с

ее экстравагантностью странная жизнь нашей семьи начинала казаться почти нормальной.

Иногда бабушка врывалась на литературные вечера моих родителей. Гости слушали ее истории про Африку. Когда-то она, как аббатиса из «Звуков музыки», прятала в шкафу суданских детей и отвлекала солдат спиртным и собственным обаянием.

Порой мне казалось, что мы предаем ее, видя в ней всего лишь фрика. Лишь став взрослой, я поняла, каково было маме расти в атмосфере бесконечного хаоса. Она очень много нам не рассказывала. Детали раскрывались постепенно, и детали эти никак не вписывались в созданный нами образ бабушки – женщины, обладавшей живым, энергичным характером. Мне кажется, многого из этого мама просто не могла выдержать, поэтому заменяла другими, не столь мучительными деталями.

Иногда детали проскальзывали совершенно случайно, словно мама вспоминала семейные поездки на море. Помню, как мы смотрели фильм «Аэроплан». Там пилот задает мальчику-пассажиру комически сюрреалистический вопрос: «Джоуи, а ты когда-нибудь был в турецкой тюрьме?» Мама прошептала: «Конечно, была». Спустя несколько лет, когда мы стали подростками, нам в руки попали старые фотоальбомы. И мы увидели фотографию, на которой мама держит на руках суданского малыша. «Это Абдулатиф, дорогие, – сказала мама. – Бабушка усыновила его, забрав из борделя.

Они забрали его во время войны. И она... потеряла с ним связь».

Они? Кто такие «они»? И как бабушка могла «потерять связь» с младенцем? Мысль о том, чтобы ребенок посылал известия о себе, показалась мне очень странной.

Наше изумление развеселило маму. Но, пожалуй, только такая отстраненность позволяла ей дышать. Ей нужна была безопасная дистанция, отделявшая ее от моей невероятной бабушки.

Я с изумленным почтением слушала, каким легким тоном говорит мама о подобных катаклизмах. Я понимала, что она пережила такой бесконечный хаос, рядом с которым наша жизнь казалась почти пасторальной. Но непредсказуемость, от которой она так хотела скрыться, все же ее настигла. Оказалось, что прошлое возникает тогда, когда этого совсем не ждешь, и заявляет свои права.

Возвращаясь после бабушкиного торнадо, я чувствовала себя в Холли-Виллидж в полной безопасности. Здесь люди пили спиртное, чтобы свободнее общаться, а не для того, чтобы прятать травмы прошлого. Здесь нас не будили в два часа ночи, чтобы спросить: «Где любовь?» и рассказать про застреленных людей. (Чилийский пианист предпочитал про Пиночета не говорить.)

Я злилась на нетривиальность нашей жизни, но капитаны нашего корабля никогда не бросали штурвал насовсем.

По крайней мере, пока что.

## Глава пятая

Мама начала читать книги, каких вы не нашли бы на полках Симпсонов. Одна из них называлась «Женщина в своем праве: Уверенность и вы». Коллекция подобных книг на ее прикроватной тумбочке постоянно росла. «Миф о вагинальном оргазме», «Женская комната», «Когда я говорю „нет“, то начинаю терзаться чувством вины»... На обложке последней я прочитала: «А ВЫ позволяете людям переступить через ваши чувства?»

Книги совпадали с новой динамикой нашего семейного существования. Мама явно взбунтовалась. Она стала общаться с одинокими подругами и целыми часами пила белое вино на кухне с кучерявой разведенной женщиной, которая постоянно вздыхала: «Это МУЖЧИНЫ для тебя, а не ТЫ для них!» Мама стала по-другому разговаривать с отцом. Теперь она могла сказать: «А мне понравилась эта книга!» или «Мне нравится Элтон Джон. Я буду включать то, что хочу!» А иногда она упоминала о его подруге Аните, и тон ее был совсем не дружеским.

Все это начинало меня раздражать.

Рэйч стащила «Женщину в своем праве» из маминой спальни и мрачно зачитала мне несколько цитат: «Только послушай! „Не стали ли вы мученицей в собственном доме? Как вы отнесетесь, если домашние переложат на ваши плечи

всю уборку?“»

Авторы советовали четко выражать свои потребности и предварять свои слова таким выражением: «Я ценю, что вам хотелось бы, чтобы я сделала это, но...»

Фраза «я ценю» стала для нас комической, и папа тоже включился в нашу игру. «Я ценю, что вы хотели бы, чтобы я выключила телевизор...» – говорила я с лицемерным американским акцентом, и он буквально покатывался со смеху.

Мама стала много времени проводить у нашей соседки, поп-звезды Линси де Пол, которая только что вернулась от своего бойфренда из Лос-Анджелеса. Она жила в абсолютной роскоши в одном из самых сказочных домов нашего квартала. «Я купила этот дом сама – и никакой мужик никогда не будет мне указывать, что я должна здесь делать. Знаете, как это здорово, девчонки?» – как-то раз сказала она нам.

Мы с Рэйч сидели в саду и наблюдали за мамой сквозь окна дома Линси. Обе женщины оживленно жестикулировали, с головой уйдя в беседу взрослых женщин. Иногда они ловили наш взгляд, прерывались и почти панически нам улыбались, как улыбаются те, кто не получил премии, но заметил направленную камеру.

Познакомившись с Линси в ее первое лето в Лондоне, я стала понимать, что никогда прежде не встречала подобных людей. Она не была похожа на людей, ведущих упорядоченный образ жизни. В ее доме не было спокойного, уравновешенного папы, контейнеров Tupperware и виляющего хво-

стом Ральфа. Но почему-то это было совсем не важно. Ее нонконформизм проявлялся настолько откровенно и очаровательно, что не поддаться ему было просто невозможно.

До встречи с Линси единственными одинокими женщинами, которых я знала, были вышедшие на пенсию директрисы школ и вдовы, а не ослепительные, самостоятельные богини, водившие спортивные машины и острые на язык. Линси отличалась едкостью, безумным темпераментом и абсолютной нетерпимостью к «козлам». Она никогда не была с мужчинами мягкой и покорной, как другие знакомые женщины.

Вообще-то, она никак к ним не относилась. В ее доме их просто не было. Однажды она рассказывала маме о встрече одноклассников. Одна из них отказалась от оксфордского диплома ради замужества. «Как тебе не стыдно! – заявила ей Линси. – Ты заняла в Оксфорде чужое место!»

Линси вызывала у меня острое чувство почтения. Мне нравилось чувствовать, что человек может так бесстрашно нарушать социальный контракт. Как ей удастся не испытывать ни малейшей потребности нравиться окружающим? Сама ее сущность была откровенным вызовом семьям с собаками. Но, как это ни странно, я ею восхищалась. Раньше на моих глазах так вели себя только мужчины. Только им была свойственна такая яростная уверенность – они носились на скоростных спортивных машинах, позволяли себе браниться и решать проблемы с помощью власти и денег. Я даже не подозревала, что женщинам это тоже доступно.

Тетя Лин (ей нравилось, когда мы ее так называли) прославилась балладами о безответной любви и чуть было не заняла первое место на Евровидении. У нее была прелестная родинка-мушка над губой – впрочем, однажды я увидела, как она рисует ее коричневой подводкой для глаз. «Это шрам после ветрянки, – улыбнулась она. – Только не говори журналистам, Эмми!» Можно подумать, что мой блокнот с мишкой Паддингтоном на обложке был полон телефонов репортеров «Дэйли Мейл».

У Линси были мраморные телефоны и стеклянный журнальный столик на каменных китайских львах. На стене в рамке висела фотография, на которой она элегантно смеялась тому, что только что сказал ей принц Чарльз. Впрочем, по взгляду было ясно, что эту женщину мужчинам не провести. Помню, как увидела ее впервые. Крохотная женщина появилась в готических дверях, увитых плющом. Пышные, светлые волосы ниспадали почти до талии. На высоченных каблуках она энергично прошла по дорожке, усыпанной гравием. Полы расстегнутого белого пальто развевались за спиной.

«КРИСТИИИИИИИИИИ!» – воскликнула она, увидев маму. Так началась наша новая дружба. Мама дала Линси ключи, чтобы она могла входить в наш дом без стука. Линси была окутана атмосферой богатства и сексуальности. От вина она отказалась («Нет, спасибо, не хочу иметь серую кожу»), на наши тарелки с ветчиной посмотрела с отвращением («Лю-

бите мертвечину?»), а на мамино извинение за свою сигарету ответила: «Я бы предпочла, чтобы ты наложила на ковер, но если тебе так больше нравится...»

Дом Линси соседствовал с нашим, но казался сказочным королевством в платяном шкафу, а сама Линси – сверкающей снежной королевой. Если кому-то действительно хотелось жить не так, как все, то жить нужно было, как Линси.

Мы с Рэйч пили кока-колу из хрустальных винных бокалов, сидя на готических дубовых стульях, а Линси обсуждала с мамой своих бывших приятелей. Среди них был Ринго (Старр), Дадли (Мур), Доди (аль-Файед), женатый киноактер и Рой Вуд, ведущий вокалист поп-группы из 70-х *Wizard*. Я видела его фотографию, и он показался мне довольно пугающим, не похожим на других партнеров Линси, о которой в газете писали, что она – «дополнение к обаятельным мужчинам». «Я встречалась с парнем с зелеными волосами! Что они себе думают!» – возмущалась Линси.

Внимание тети Лин к нашей семье нам льстило. Ее интерес к нам отчасти объяснялся облегчением от того, что в нашем тихом квартале ей удалось найти родственные души. Но все мы знали, что главную роль в этом сыграл Трикл. Линси сразу сграбастала его, прижала к груди и утащила к себе, чтобы любовно накрасить его когти прозрачным лаком. Иногда я видела, как он поедает свежего лосося из миски в стиле ар-деко. Трикл косился на меня, словно говоря: «Смотри – вот как мы делаем это теперь».

«Куда подевался Трикл?» – как-то вечером спросила мама, и мы с Рэйч отправились обследовать кладбище. А потом обнаружили нашего кота, который, как египетская статуэтка восседал на подоконнике прелестной гостиной Линси. Мы оказались в роли провинциальной возлюбленной перспективного футболиста, перешедшего в известную команду. Нам оставалось лишь наблюдать, как он уходит в соблазнительный, недоступный нам мир. «Кот стал жильцом в нашем доме», – заметил как-то папа, довольный тем, что Трикл оказался достаточно сообразительным, чтобы выбрать столь ослепительно прекрасную любовницу.

Иногда тетя Лин приглашала нас к себе с ночевкой, и мы могли расположиться в симпатичной башенке ее дома. Она усаживала нас с Рэйч перед зеркалом в своей туалетной комнате, красила нам губы алой помадой, накладывала золотистые тени на веки, закручивала волосы и наряжала в платье от известных модельеров. «В этом платье я была в клубе „Студия 54“. На тебе оно сидит ПРЕКРАСНО! – говорила она мне, а потом поворачивалась к Рэйч: – А это платье шил модельер принцессы Дианы!»

Наша дружба с Линси, которая в тихом квартале была предметом сплетен и пересудов, удивляла семьи с собаками. Все косились на нее, когда она приходила на школьные праздники в обтягивающих кожаных брюках и темных очках от Картье. Философы с плечами, засыпанными перхотью, иностранные корреспонденты, заплывающие наш

стол во время оживленных споров о книгах, – все они были неважной рекламой нашего необычного образа жизни. Но уверенное обаяние Линси представляло нас в более выгодном свете. Ее категорическое нежелание соответствовать чужому образу мыслей было заразительным. Она жила своей жизнью не как бесконечно обаятельный гость, но как бескомпромиссный и уверенный хозяин собственного мира.

Однажды, когда мы ели спагетти у нее на кухне, она сказала мне: «Ты напоминаешь мне меня, Эмми. Ты такая же сильная и яркая».

Я застеснялась, потому что в действительности совершенно не была на нее похожа. Сильной и яркой я была лишь в ее присутствии, потому что знала, что она хочет видеть меня такой. В семьях с собаками я была скромной и послушной, потому что там от меня ожидали именно этого. Перед друзьями родителей я представала разбитной и развитой не по годам – это был идеальный образ для общения с ними. Я всю жизнь была разной с разными людьми – в отличие от Рэйч, которая изо всех сил старалась в любой среде оставаться самой собой.

«Я никогда не одалживаю одежду, – однажды сказала Линси. – Зачем мне быть такой же, как кто-то другой?» Я поняла, что хотела всегда думать именно так.

Больше всего мне нравилось мерить ее изысканные платья. Любуясь собой в зеркале, я чувствовала, что хотя бы на время обретаю ее великолепную силу. Это были не просто

платья, а настоящие доспехи, с широкими плечами и свободными рукавами. Они напоминали мне костюмы из мыльных опер типа «Династии» или «Далласа» – мы смотрели их вместе с папой («Ну, даже во всякой фигне есть определенная цельность», – виновато признавал он). В таких платьях ходили женщины, которые заканчивали разговор щелчком пальцев: «Официант! Счет, пожалуйста!» Эти женщины перед тем как в ярости выскочить из комнаты, заявляли мужчинам, что их «не стоит недооценивать».

К концу лета Трикл почти полностью переселился в дом Линси. Он курсировал между нашими домами с коварным очарованием плейбоя, формирующего гарем из бывших подружек. Но как-то утром Линси появилась на дорожке, ведущей к дому, в пальто в стиле Стервеллы де Виль<sup>19</sup> с двумя немисливо прелестными бирманскими котятами Луи и Биксом. Трикл безумно оскорбился, выгнул спину, отвернулся от предательницы и удалился зализывать свои раны. Он вернулся в наш потрепанный мир, навек зарекшись приближаться к сияющему миру Линси.

Пожалуй, это был его момент «возвращения от Симпсонов». Любому Икару такое знакомо.

«Теперь он **НЕНАВИДИТ** Линси!» – заметила Рэйч, и родители расхохотались.

Но никто из нас не был готов к появлению кошачьего колдуна.

---

<sup>19</sup> Героиня анимационного фильма «101 далматинец».

Я много слышала о Джеймсе Коберне, приятеле Линси из Лос-Анджелеса. Я знала, что он знаменит. Славу ему принесли роли в «Великолепной семерке» и «Большом побеге». Он получил «Оскар», имел целую флотилию автомобилей «Феррари», а его друг Стив носил фамилию Маккуин. Но я даже не подозревала, какой могучей, магнетической привлекательностью обладает этот человек с широкой, ослепительной улыбкой, густыми серебристыми волосами и низким голосом Дарта Вейдера.

«Привет, Эмми. Я – Джеймс», – с улыбкой сказал он при нашей первой встрече, демонстрируя идеальные зубы и протягивая могучие руки, чтобы обнять меня. Трудно было воспринимать его как кинозвезду, когда он в тапочках валялся на диване с воскресной газетой, болтал о своих проблемах с артритными коленями и посмеивался над шуточками Линси. Но я видела, что при его появлении люди начинают вести себя по-другому. Все инстинктивно подбиралось, и язык телодвижений мгновенно менялся.

У всех, кроме Линси.

«Джеймс, иди помоги мне с мусорным баком!» – кричала она, а он покорно поднимался с дивана, поправляя кимоно, чтобы случайно не обнажиться. Я поражалась тому, как похозяйски ведет себя с ним Линси. Она разговаривала так, словно он был обычным мужчиной. Какая ужасная мысль!

После очередной поездки в Лос-Анджелес они привезли нам золотые кулоны с буквами «Э» и «Р» и маленькими

бриллиантами. «Только не пиши в сочинении „Как я провела лето“, что Джеймс Коберн подарил тебе кулон с бриллиантами, дорогая, – посоветовала мама. – Это будет нескромно». Но не бриллиантами Джеймс покорило мое сердце, а своим неподражаемым самообладанием.

Летом из маленького приморского городка в Новой Зеландии к нам приехал дед, доктор. Он был очень мил и приветлив, слегка глуховат и безнадежно рассеян. Дед носил берет, регулярно оставлял анализы кала в багажнике машины и любил цитировать Толстого своим изумленным пациентам. Так что кинематографическая слава Джеймса Коберна не произвела на него впечатления.

– Как, вы сказали, ваша фамилия? – спросил он у Джеймса. – Кокберн?

Мы с Рэйч с ужасом переглянулись. Рэйч подавила смешок – подобные ситуации ее веселили. *«Ну и что, Эм? – говорил ее взгляд. – Что тебя так удивляет?»*

*«Меня удивляет, что это не удивляет ТЕБЯ!»* – сказал мой ответный взгляд.

– Коберн, сэр, моя фамилия Коберн, – ответил Джеймс почтительным тоном солдата, обращающегося к высшему по званию.

Когда мама и Линси запирались на кухне и вели свои бесконечные беседы, Джеймсу доставалась роль няни. «Джеймс! Поиграй с девочками», – как-то раз приказала ему Линси, когда мы расположились в ее саду. Она появилась в

саду в босоножках и непристойно коротких джинсовых шортах, выдала нам по стакану апельсинового сока и скрылась на кухне, где ее уже ждала наша мама.

Джеймс в черном шелковом халате положил большие, загорелые ладони на маленький кухонный таймер и перевернул его, предлагая нам поиграть в слова. «Фантазия? Отличный выбор, Рэйч!» – подбодрил он сестру. Он пыхал сигарой, миниатюрное садовое кресло Линси казалось рядом с ним просто крохотным. Джеймс заметил Трикла и подозвал его с уверенностью человека, не знавшего отказа.

Трикл наблюдал за Джеймсом с безопасного расстояния. Несколько недель он предпочитал оставаться на территории нашего сада. Но однажды он осторожно выбрался, пытаясь понять, что сильнее – любопытство или уязвленная гордость. «Ну же, Трикл! – прошептал Джеймс, протянув ему руку. – Иди же ко мне, Трикл, иди сюда, мальчик!» Через несколько недель Трикл забыл о гордости и прыгнул прямо на колени Джеймса. Возвращение в Аркадию было полным. Как и все мы, Трикл не сумел противостоять магнетическому обаянию дяди Джеймса.

Было странно видеть, как Линси неожиданно стала делить дом, где господствовала безраздельно, с человеком, который главенствовал, не произнося ни слова. Статусные мужчины из круга наших знакомых никогда не выбирали себе таких независимых партнерш, как Линси. Я никогда прежде не видела подобных семей – семей, где присутствовали два власт-

ных императора.

Иногда они брали нас с Рэйч в магазины. Линси маршировала впереди на своих шпильках, Джеймс шагал позади, высматривая шелковые платки, которые подошли бы к его льняному блейзеру. Темные очки защищали его от любопытства окружающего мира. Они отлично смотрелись рядом, два архитектора своей экзотической непохожести на других: «Мы не такие, как вы, и мы даже пытаться не будем стать такими, как вы».

Однажды Линси решила, что Триклу «срочно» нужен ветеринар. Она часто так считала – достаточно было сломанного когтя. Мы с Рэйч уселись в ее «Ягуар». Джеймс расположился рядом с нами и предусмотрительно погасил сигару. Он неловко позвонил в закрытый целлофановой пленкой звонок ветеринара и еще более неловко расположился в крохотной приемной, а пенсионеры со своими потрепанными котами смотрели на него с потрясением, граничившим с яростью. В такие моменты он казался странно уязвимым, как Гулливер, слишком огромный, чтобы соответствовать нашему маленькому миру на севере Лондона.

Через несколько месяцев мама сказала, что Джеймс не вернется в Холли-Виллидж. Линси сказала, что у всего есть начало и есть конец. «Цветы, люди – все мы рождаемся и умираем. И любовь тоже». Глаза у нее покраснели и опухли. Я слышала, как она говорила маме что-то про «обязательства». Отсутствие Джеймса остро ощущалось в ее доме. Ма-

ма говорила нам, что у Линси было трудное детство, и за суровой, жесткой натурой скрывается «напуганная маленькая девочка». Но ее слова никак не сочетались с моим представлением о яростной богине, на которую мне хотелось быть похожей.

Через несколько недель едкое чувство юмора вернулось. Когда я сделала экзотическую стрижку, она сказала: «Ты хочешь все в жизни попробовать? Побрейся налысо – это будет лучше». Она и сама пробовала все. У нее была масса друзей-мужчин, от которых пахло цитрусами. Они сопровождали ее на премьеры и вечеринки, а иногда устраивали шумные праздники в ее доме – Линси называла это своим «лекарством».

Матери моих одноклассников сплетничали о разрыве Линси с Джеймсом – они прочитали об этом в газетах. «Она совсем одна в этом большом доме. Как печально», – говорили они, но я знала, что они кривят душой, хотя и не понимала почему.

Лишь много лет спустя я поняла, каким был разрыв Линси с Джеймсом. Лишившись его бесспорной силы и статуса, она ничуть не пострадала. Ее жизнь осталась прежней. Она встречалась с теми же друзьями, ходила на те же вечеринки и водила ту же шумную спортивную машину. Она ничем не поступилась ради него, не отказалась от своих взглядов и ни в чем не смирилась, признав его превосходство. Она вернулась к себе самой, какой не переставала быть. Ее часто на-

зывали «трудной», «невозможной» или «пугающей» – и все это было правдой. Но именно такой она и должна была быть – ведь она была первой поселенкой, прокладывающей путь для других женщин острым мачете. Она показывала пример тем, кто хотел жить собственной жизнью, не оглядываясь на других и не подстраиваясь под чужие ожидания.

Линси, сама того не желая, познакомила меня с другой женщиной, которой нравилось жить не так, как все.

Я случайно заметила девочку, которой, как мне показалось, тоже было лет одиннадцать. Девочка направлялась ко входу в дом Линси. Она оживленно болтала с матерью. Одежда она была с небрежностью поп-звезд и окружена атмосферой, не похожей на атмосферу нашего района. Я сразу почувствовала, что она не прогуливается вдоль моря и не обводит передачи в программе. Иногда я смотрела на нее из окна, быстро прячась, чтобы она не заметила меня за нашим готическим портиком.

Но девочка эта выбрала более прямой подход. Однажды в дверь позвонили, я открыла и увидела, что она стоит на пороге в оранжевом сетчатом топе и миниатюрной черной кожаной куртке.

– Привет, я Джейн, – с уверенной улыбкой сказала она. – Моя мама гостит у Линси. Не хочешь прошвырнуться?

Прошвырнуться? Изысканно и классно – наверное, так общаются между собой члены американских поп-групп. Вот так, совершенно неожиданно, у нас с Рэйч появилась лучшая

подруга.

Джейн не ела на завтрак вчерашние канapé. В ее доме, который находился всего в нескольких милях от нашего, в Хэмпстеде, не ночевали чилийские пианисты. И ее кровать никто не предоставлял для супружеских измен. Но ее родители, Стю и Мэнди, снисходительно улыбались, когда Джейн называла своего кота Мимса «маленьким придурком», позволяли нам шумно играть и, когда мы делали себе наряды из черных мусорных мешков, а потом маршировали в них по улице, говорили: «Выглядите прекрасно, девочки!» Они жили в мьюз-хаусе (малоэтажный городской дом, на первом этаже которого когда-то находилась конюшня) с модными в восьмидесятые яркими телефонными кабелями. У них была видеокамера, и мы могли записывать наши импровизированные спектакли. В этой либеральной среде я чувствовала себя в полной безопасности и не боялась проявлять семейную эксцентричность. Я знала, что здесь меня не осудят, а наоборот, оценят по достоинству.

Мать Джейн, Мэнди, недавно открыла для себя любимую книгу нашей мамы «Женщина в своем праве», и теперь мы делились друг с другом, сколько проблем создала нам эта дурацкая книжка. Джейн, Рэйч и я решили перевоспитать наших матерей простейшим способом – с помощью пассивно-агрессивного скетча. Мы сняли этот скетч и заставили их посмотреть.

«Я ЦЕНЮ, что вашего ребенка сбила машина, но не могу

отвезти его в больницу, потому что ЧИТАЮ СВОЮ КНИГУ!» – голосили мы с калифорнийским акцентом, надеясь, что они поймут печальные последствия своего опасного свободомыслия. Но мама и Мэнди лишь заливались смехом. Я испытывала гордость архитектора нашей коллективной дружбы с этой семьей. Такая дружба была восхитительно уникальной для нас с Рэйч – мы сами ее создали, а не унаследовали, и ей не угрожали политические разногласия взрослых.

Мать Джейн, Мэнди, была дружна с Линси задолго до ее появления в Холли-Виллидж. Они вместе выросли на севере Лондона. Мэнди была женщиной энергичной, живой, носила наряды от Вивьен Вествуд, красила губы красной помадой, позволяла нам ругаться, называла всех «дорогушами» – и это позволяло мне воспринимать нетривиальную материнскую энергию собственной матери более терпимо и спокойно.

Мы с Рэйч страшно завидовали спальне Джейн. Это было настоящее сказочное королевство с туалетным столиком, заставленным яркой косметикой. «Я называю эти румяна „убийственными“, – предостерегала она нас. – Осторожнее с ними!» У Джейн был бледно-розовый диванчик и журнальный столик, заваленный горами субкультурных журналов типа *The Face*. Она включала нам Дэвида Боуи, постоянно болтала про фильмы ужасов и каждый день носила с собой бутылку воды «Перье» как необходимый аксессуар. Очаро-

вательных блондинок, которыми так восхищались мои подруги, в ее мире не было. На стене ее спальни висел плакат с изображением Дорис из телевизионного сериала «Слава». Эта героиня приобрела известность благодаря своим метким замечаниям. В школу вместо сумочки Джейн ходила с чайником. Если одноклассники и фыркали при виде такой неортодоксальности, то это лишний раз убеждало ее в том, что лучше быть не похожей на других.

Со временем Джейн, Рэйч и я стали настоящим племенем. Мы грузились в белый «мини» матери Джейн, и она везла нас в Ковент-Гарден. Я надевала шляпу-трильби Джейн, ярко красилась и чувствовала себя настоящей поп-звездой. Рэйч и Джейн от меня не отставали. Мы хохотали, пели и дурачились. Нам нравилась наша непохожесть на других, и мы подчеркивали ее, а не пытались скрыть. Отсутствие необходимости прятаться стало для меня глотком свободы. Мы с Рэйч более не чувствовали себя членами клуба, к которому никогда не принадлежали по-настоящему. Казалось, что нас наконец-то приняли в другой клуб – и приняли всем сердцем. Такими, какими мы были.

Впрочем, оглядываясь назад, я понимаю, что трильби была колоссальной ошибкой.

## Глава шестая

– Это морально неправильно! – объявил папа.

Родители спорили об образовании. Мама сумела уговорить нашего вечно недовольного банковского менеджера на большой кредит, чтобы отправить нас обоих в дорогую частную школу для продолжения обучения. Впервые в жизни она открыто выступила против отца в серьезном вопросе. Думаю, «Женщина в своем праве» сыграла в этом немалую роль.

– Он прячется за политикой, – сказала мама нам с Рэйч. – Ему просто не хочется раскошелиться!

Я никогда прежде не видела ее такой – настойчивой и разозленной. Мама сказала, что должна обеспечить нам будущее, чтобы мы «не зависели от этих чертовых мужиков».

Папа отказался заниматься устройством нашей жизни, и мама сама выбрала свой путь. Но это вбило клин между нами. Это – и еще список дополнительных расходов, с которыми был связан наш переход в новую вселенную.

– Хоккейная клюшка?! О господи! – стонала мама, пролистывая список всего необходимого для нашего обучения.

Папа с головой ушел в книгу, не обращая на нее внимания. Мама облазила массу комиссионных магазинов, пока не нашла потрепанную клюшку из 50-х годов. А мне она вручила белый лейкопластырь, чтобы я скрыла следы времени. До-

рогую лыжную прогулку мы собирались замаскировать ложными болезнями, но коричневые штанишки для игр, предназначенные для предотвращения «неженственного поведения», стали последней каплей. «Просто постираем белые с темной футболкой, – вздохнула мама. – В конце концов, это всего лишь трусы».

Страх перед собственной непохожестью, который вечно жил в моей душе, на время отступил после появления в нашей жизни Джейн и Линси по соседству. Рядом с ними я ощущала новое чувство безопасности. Но страх этот быстро вернулся в новом мире, и там он стал чем-то более значительным и серьезным. Мы более не находились в спокойном мире семей, имеющих собаку. Мы оказались в мире экономок и бассейнов с подогревом. Наши одноклассники были детьми богатых капитанов промышленности, и жили они за воротами с электрическим приводом. В этом мире не появлялись судебные приставы. Здесь не было места стриптизеру Джонни да Сильверу. И все это означало совершенно новый, эпический уровень маскировки. Мои периодические возвращения в уютный мир Симпсонов казались возвращением к утраченной невинности в сравнении с этим страшным новым миром.

Дом наш разделился на фракции.

«Они ругаются», – говорила Рэйч, захлопывая дверь при первых же криках, доносившихся снизу. Она включала Адама Анта на потрепанном желтом магнитофоне из магазина

«Фишер Прайс». В последний день рождения Рэйч с ужасом обнаружила его среди подарков – она много месяцев приставала к родителям, чтобы те подарили ей стерео, «как у остальных в школе».

К этому времени ей было тринадцать, мне одиннадцать, и мы вышли на арену цветочных ароматов, туши для ресниц и вздохов о мальчиках. Общая спальня казалась нам неподходящей. Рэйч часто жаловалась на невозможность уединиться, запиралась в ванной, чтобы скрыться от моих детских игр и приставаний родителей. «У меня даже месячные не могут начаться спокойно», – раздраженно сказала она, когда родители встретили это известие радостными танцами и поздравительными песнями.

Наши регулярные визиты в эксцентричный бабушкин дом стали казаться еще более сюрреалистическими в сравнении с нашим новым привилегированным миром. Мы с Рэйч стали обижаться на то, что нам приходится отклонять приглашения одноклассников в бургерные и на катки, чтобы, как говорила Рэйч, «сидеть сиднем в квартире со стриптизером». Джейн нарисовала нам в знак солидарности картинку: «Эм, Рэйч и одеяла снова отправляются к бабушке!» Мы приклеили ее на кухонную доску в знак протеста.

Линси пригласила нас с Рэйч на обед в местный ресторан для «разговора между нами, девочками». Я почувствовала себя польщенной. Казалось, мы стали героинями «Династии», почетными, самостоятельными гостями, а не детьми,

которых просто терпят. Но когда принесли пудинг, Линси заговорила о том, что наша мама нуждается в «поддержке». Я почувствовала, что она – банковский менеджер, откладывавший неприятный разговор о неодобренном кредите до последней минуты. Я задумалась, о чем же они говорили наедине в гостиной дома Линси.

Учитывая постоянные разговоры о финансовых проблемах и напряженную атмосферу в доме, мы не были готовы к тому, что как-то утром сообщил нам папа.

– Как вы смотрите на то, чтобы поехать в Германию, девочки? – спросил он.

Заметив наше изумление, он быстро добавил, что это не на всю жизнь. Это всего лишь семейный отпуск. Такой, какой устраивают себе семьи, имеющие собак.

– Мы остановимся у Кайзера! – сказал папа.

Кайзером звали немецкого режиссера, папиного приятеля. Он совершенно спокойно относился к довольно оскорбительному прозвищу. Папа сообщил нам, что у Кайзера есть бассейн, а потом поразил очередным откровением. Мама с нами не поедет.

– Почему ты не едешь, мама? Я не понимаю!

Перспектива дальнего путешествия с одним лишь отцом меня пугала. Он с работы не мог вернуться, не потеряв ключей от дома. Доверять ему три наших паспорта было верхом неосмотрительности. И вся идея казалась довольно странной. Наша труппа была слаженным квартетом. Мама сглажи-

вала папины странности и облегчала общение нашей семьи с посторонними людьми. Именно она уговаривала работников аэропорта посадить нас в самолет после окончания посадки. Она пахла амброй, теплом и Холли-Виллидж. Она должна была ехать с нами.

Мама что-то сказала о пьесе, которую нужно закончить, и весело предложила нам купить себе новые наряды для этой пугающей поездки.

– Только папе не говорите, ради всего святого!

Через неделю мы втроем отправились в Германию, спешно перегруппировавшись, чтобы скрыть отсутствие недавно отколовшейся от нашей труппы главной актрисы.

– Почему ты не купаешься, Рэйч? – спросил папа, когда мы с ним плескались в бассейне вместе с дочерью Кайзера и его длинноногой второй женой.

Рэйч сидела в тени, с головой уйдя в роман Джеки Коллинз, – думаю, папа именно поэтому к ней и пристал.

– Мне не хочется. У меня... *живот болит*, па, – ответила она.

Рэйч надеялась, что папа поймет эвфемизм, принятый в нашей школе, где о месячных открыто не говорили.

Папа не понял.

– Рэйчел, тебе пора отказываться от странной философии. Жизнь не строится вокруг твоих желаний. Плавание полезно для твоего... женского здоровья, – неловко закончил он. – Я настоятельно советую тебе искупаться.

Золотая надпись на обложке романа Джеки Коллинз блеснула на солнце, когда Рэйч, забыв о своей ангельской роли белого лебедя, швырнула книжку на землю и в ярости убежала в дом.

– Рэйч, он просто ничего не понимает в месячных, – утешала я сестру, бросившись вслед за ней.

Капли с купальника оставляли мокрые пятна на дорогах коврах Кайзера. Неожиданно мне стало стыдно за свое детское тело, свободное от гормональных всплесков и волосков.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.